

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ И ЕЕ КРИТИКИ

Несмотря на то что понятия “народ” и “нация” употребляются разными авторами в разных смыслах, мы все же будем исходить из общепринятых и наиболее употребляемых в мировой науке и в общественно-политической практике категорий. *Народ* и *нация* чаще всего рассматриваются как синонимы. Слово “народ” как согражданство носит более обыденный характер и под ним, как правило, имеется в виду население страны. “Британский народ”, “испанский народ”, “бразильский народ”, “канадский народ”, “австралийский народ”, “китайский народ”, “норвежский народ” означают население соответствующих государств, и эти названия ничем не отличаются от варианта “народ Великобритании” или “народ Австралии”. Тот же самый смысл несут атрибутивные языковые обозначения жителей страны по ее названию (политонимы): британцы, испанцы, бразильцы, канадцы и т.п. Под этой категорией могут пониматься все жители страны разной этнической принадлежности, включая иммигрантов, но в определенных контекстах или в политико-административных целях иммигранты (тем более, если они не граждане) не считаются частью соответствующего народа.

Понятие “нация” носит более строгий и более политический характер. Оно нагружено символическим и эмоциональным смыслами, но по сути подразумевает народ в смысле государственного территориального сообщества. Связь понятий *нация* и *государство* отражена в сложной категории “нация-государство” (nation-state). Это есть общепризнанное обозначение всех суверенных государств мира, входящих в Организацию Объединенных Наций и считающих себя государствами-нациями. Некоторые отечественные эксперты пытаются разделить два понятия: *нация-государство* и *национальное государство*, имея в виду под последним некое “выкованное историей” государство. Как писал ныне покойный А.М. Салмин, “идеология государства-нации по-настоящему органична, пожалуй, только для национальных государств, а эти два понятия при всей их близости в обыденной жизни – неполные синонимы”¹. Для А.М. Салмина Франция – это национальное государство, а Россия – нет, ибо во Франции все считают себя “французами”, а в России сохраняется непонятное различие между “русскими” и “россиянами”. Но на самом деле таких двух категорий не существует: national state или nation-state – это одно и то же. Более того, среди всех суверенных государств – членов ООН нет таких, которые не считали бы себя национальными².

Для некоторых целей (особенно для политиков и для бюрократии) различие между нацией-согражданством и народом-населением может проходить в смысле формального гражданства или индивидуальной интегрированности, но эти различия несущественны и зависят больше от традиции словоупотребления, чем от содержания понятий. “Британская нация”, “испанская нация”, “бразильская нация”, “канадская нация”, “китайская нация” и т.п. – это жители страны разной этнической принадлежности, но (в отличие от слова “народ”) из подобных понятий уже более определенно исключаются не гражда-

не и недавние иммигранты – те, кто еще не интегрировался в достаточной степени в социально-культурную среду основного населения.

Действующая повсеместно категория “национальность” (nationality) обозначает граждан той или иной страны и также имеет языковой вариант “национал” (national), что свидетельствует о принадлежности индивида к той или иной нации. “Британский национал” (British national), “канадский национал” (Canadian national), “испанский национал” (Spanish national) – это представители соответствующих наций, независимо от этнической, языковой и другой (расовой или религиозной) принадлежности. Гражданин Великобритании (англичанин, ирландец, шотландец, уэльсец или выходец из иммигрантов) есть член британской нации. Канадские франкофоны (главным образом жители Квебека – квебекцы), англофоны, индейцы и эскимосы, иммигранты итальянского, украинского или русского происхождения – все они канадцы, если имеют канадское гражданство и достаточно интегрированы (обычно предоставление гражданства связано с интеграцией, если оно не куплено или пожаловано за особые заслуги).

Конечно же, в испанскую нацию входят не только кастильцы, но и каталонцы, баски, галисийцы и другие граждане Испании, независимо от регионально-культурных различий и регионально-этнических идентичностей. Каталонец является одновременно представителем испанской нации. Конечно, есть часть радикальных элементов, например, баскские экстремисты или квебекские сепаратисты, которые могут отвергать принадлежность к испанской или канадской нациям. Но эти крайние случаи только подтверждают норму: подавляющее большинство басков и каталонцев считают себя испанцами, а основная часть квебекцев – канадцами. Данную закономерность подтверждают как референдумы среди населения, так и общенациональные празднования спортивных побед, как, например, “испанской Барселоны” (обратите внимание: не каталонской, а испанской, хотя Барселона – это столица Каталонии!) в европейском футбольном чемпионате или канадской хоккейной команды, где более половины игроков – франкофоны.

Население государств, как в прошлом, так и в настоящем (т.е. *всегда!*) было многоэтничным, а нередко отличалось также сложностью в религиозном и расовом отношениях. Для современных государств многоэтничность и поликонфессиональность народа (или нации) – абсолютная норма. В равной мере это относится и к языковой ситуации, ибо одна из отличительных характеристик этнических групп – язык, и очень мало народов или наций, представители которых говорили бы на одном языке (среди мексиканцев около 10% составляют индейцы-аборигены, говорящие на языках групп майя и ацтеков, а швейцарцы используют четыре языка – немецкий, французский, итальянский и рето-романский и т.п.). Поэтому нации – многоязычны, хотя чаще всего по причинам демографического большинства или удобства коммуникации доминирует какой-то один или два языка. Им в целях бюрократического управления и консолидации населения страны могут придаваться официальные статусы. Имеющиеся различия (этнические, языковые, религиозные и даже расовые) относятся к категории культурных, и многокультурный характер населения ныне признается практически всеми государствами-нациями³.

Однако существуют государства, идеологии и религиозные системы, не признающие культурную сложность наций и культурную свободу человека. Так, например, ислам фундаменталистского толка отвергает возможность выхода из религии, а в политике насаждает представление об исламской умме как своего рода нации-общности на основе веры, а не государства. В некоторых государствах недоминирующая религия подвергается гонениям, а в иных (с коммунистическим правлением) любая религия отрицается как “опиум для народа”. Есть государства-нации, которые долгое время утверждали себя как целостность на основе мифов о расовой и этнокультурной гомогенности, например, мифа о “белой Австралии”, который был демонтирован только в последние два десятилетия, причем настолько радикально, что австралийская нация приветствовала мировую аудиторию из олимпийского Сиднея аборигенно-этническим разнообразием как своего рода визитной карточкой страны. Концепты многорелигиозной, многорасовой и многоэтнической нации и единого народа с разной степенью успешности существуют в таких странах, как Индия, Пакистан, Индонезия, Новая Зеландия, Филиппины и т.д. Формула “единство в многообразии” находится в арсенале многих стран – от огромной Индии до маленькой Ямайки (на ямайском долларе написано “Из многих – один народ”).

И, наконец, есть государства, где укоренилось представление о нации как об этнической целостности, говорящей на одном языке и имеющей свой особый характер (“этническую психологию”) и даже этногенофонд. Эта доктринальная и политическая традиция восходит к австро-марксистам и к российским большевикам и утвердилась она главным образом в СССР и в регионе его идеологического и политического влияния. Но в Восточной Европе, особенно после распада СССР, концепт культурной нации (этнонации) стал второстепенным по отношению к концепту политической нации. Им достаточно условно обозначают этническую диаспору (все венгры или все поляки в мире как представители венгерской и польской “культурной нации”). При этом ответственные и грамотные люди понимают, что венгерская нация – это прежде всего граждане Венгрии, польская нация – это граждане Польши, а господа Джордж Сорос, Збигнев Бжезинский и Ричард Пайпс – это представители американской нации смешанного венгерско-еврейского и польско-еврейского этнического происхождения.

В силу ментальной инерции и влияния этнического национализма государства бывшего СССР продвигаются крайне трудно от концепта этнонации к концепту гражданской нации. Многим политикам, ученым и этническим лидерам кажется, что признание второго означает отрицание первого. Поэтому во всех этих странах остается в обиходе представление о нации как об этнической общности, которая образовала соответствующее государство и является его собственником, включая даже воздушное пространство. Этническая и языковая сложность постсоветских наций отвергается, а граждане, не принадлежащие к “титульной” этничности, переведены в категорию национальных меньшинств без членства в нации. В этом заключается радикальное отличие от мирового концепта меньшинств, ибо в Финляндии шведское национальное меньшинство входит в состав финляндской нации вместе с этническими финнами, саамами и местными русскими.

В Российской Федерации сохраняет доминирующее положение аналогичное понимание нации как типа этнической общности с тем только отличием, что вместо концепта “нация–меньшинства” существует концепт “многонациональности”: все этнические общности есть народы или нации, а вместе они составляют “многонациональный народ”. В статусе “народ России” специалисты и политики считают проживающих в стране 300 австрийцев, 300 албанцев, 100 белуджей, 400 голландцев, 100 грузинских евреев и 100 среднеазиатских евреев. Так создается раздутая номенклатура в более чем полторы сотни “народов России”. Российский народ как гражданская нация и его обозначение словом “россияне” или решительно отвергаются, или отрицание нации скрыто в тезисе формирования российской нации как проекта для будущего. *Это отрицание, а не недостаток схожести и солидарности россиян, и есть основное препятствие для признания существования российской нации.* Переубеждение таких отрицателей, собственно говоря, и есть “нациестроительство” или “формирование нации”.

ОБРАЗ СТРАНЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Собирательные образы страны и народа имеют огромное значение в структуре национальной идентичности граждан, а также для восприятия страны внешним миром. Эти образы трудно разделить на внутренние и внешние: как мы думаем сами о себе, так и думает о нас остальной мир. Хотя может быть и наоборот: как внешний мир по тем или иным историческим, геополитическим и культурным причинам конструирует и насаждает образ той или иной страны, так и сама эта страна начинает жить в навязанном образе. Но чаще всего имеют место оба совпадающих или конкурирующих между собой процесса, в итоге которого и складывается образ со всеми его оттенками.

Как правило, каждый народ имеет позитивный самообраз и не ставит себя ниже соседей. Все страны стремятся создать о себе положительное представление. Оно необходимо для нормального социально-психологического самочувствия людей, для обеспечения лояльности и сплоченности населения, для благоприятных внешних контактов и для привлечения в страну капиталов и туристов. Однако достичь этого чрезвычайно сложно, а в ряде случаев просто невозможно. Тем не менее мы можем определить *национальную идентичность как общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним.* Национальная идентичность не менее, а даже более важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты. *Процесс воспроизводства и сохранения национальной идентичности в мировоззренческой сфере, а в политике – отстаивание национальных интересов страны и ее народа составляет во многом то, что принято называть национализмом в широком смысле этого слова.* Когда российского президента В.В. Путина внешний мир называет “президентом-националистом”, то это действительно

но близко к истине, ибо в отличие от своих недавних предшественников он твердо отстаивает национальные интересы.

Государства создаются людьми и существуют потому, что каждое новое поколение его жителей разделяет общее представление о государстве и признает его. Это совсем не означает, что все поголовно и одинаково должны “любить Родину”, “служить народу”, выполнять еще какую-либо коллективистскую миссию. Человек на Земле, в том числе и россиянин, явился в этот мир прежде всего для того, чтобы исполнить собственную социальную миссию – благоустроить свою жизнь, как можно дольше прожить, родить и воспитать детей. Морально-этические установки типа служить нации, защищать свободу, каяться или гордиться и т.п. – это скорее для политиков, для религиозных проповедников, для воспитателей, чтобы человеческий эгоизм и личное преуспеяние не вредили другим, чтобы человек осваивал нормы поведения ответственного гражданина. Те, кто пишет в научных трудах или призывает на митингах, что “человек рожден не для себя, а для нации”, и в этом видят национальную идею России⁴, сами ни одного дня в своей жизни по этому принципу не прожили. Так думают и живут только подвергшиеся идеологическому воздействию экзальтированные одиночки или обработанные спецметодами и религиозными проповедями незрелые и травмированные люди, готовые или “чистить Россию” от “чужаков”, или стать живыми бомбами.

Однако первичность частной жизни не избавляет людей от общности, особенно по отношению к государству, когда каждый живущий в нем имеет с ним взаимные обязательства, крайне важные для обоих. Можно существовать вне этнической группы и даже быть более свободным, чем среди соплеменников, но в современном обществе нельзя обходиться без государства.

Государство и его создатели, т.е. проживающий в нем народ, должны заботиться о поддержании этого института в порядке и благополучии. Как говорил мне покойный академик Б.Н. Топорнин после научного заседания по поводу 10-летия горбачевской перестройки, “вся беда была в том, что оставили без присмотра само государство, а этого делать никогда нельзя”. Среди разных ресурсов и механизмов государственностроительства и поддержания государства в должном виде активно используется идеология и практика национализма. Инструмент довольно старый, но он сохраняет свою ценность, а в некоторых исторических ситуациях становится ключевым.

Именно такая ситуация сложилась во всех постсоветских государствах после распада СССР, включая Россию. На какой-то период времени для нового нацистроительства здесь была взята на вооружение старая концепция этнического национализма в варианте “нация-меньшинства”. О гражданской нации (латвийской, казахстанской и т.п.) иногда говорится вождями и некоторыми идеологами, но реальная политическая практика и общественный менталитет пока не дошли до необходимости утверждения гражданского нацистроительства. Российская Федерация также осталась на почве этнонационализма (нация – это этносы), но еще к тому же записала в Конституцию категорию “многонациональности” и сохранила этнический федерализм в форме этнотерриториальных автономий.

Тем не менее нынешняя Россия пребывает в процессе активного национального самоутверждения, и обращение к национализму в его гражданском варианте крайне полезно. Это относится прежде всего к образу страны и ее народа и к представлению о государстве, его происхождении и его интересах. Без позитивного образа страны и без признания необходимости государственного порядка никакое правление невозможно. *Порядок первичен по отношению к форме, в которой он осуществляется.* Сначала нужно установить и признать порядок в лице государства (других более универсальных и эффективных институтов обеспечения порядка среди больших людских сообществ пока не придумано). Затем общество, прежде всего в лице интеллектуальной элиты, вместе с властями формулирует представление о народе, который живет в государстве и которому принадлежит это государство. Таковым может быть только территориальное сообщество, т.е. *демос*, а не этническая группа, которую в российской науке называют интригующим словом *этнос*, имея под этим в виду некое коллективное тело и даже социально-биологический организм. Из советской идеологии и науки пришли к нам эти представления, которые, к сожалению, не исчезли, как это случилось с другими ложными конструкциями. Еще более обескураживает небрежение дореволюционным историческим опытом, якобы исключаящим какое-либо прослеживание идеологии национализма в российской истории по причине ее имперской сущности.

Фактически вся отечественная и зарубежная литература по проблеме национализма в дореволюционной России обращается к его проявлениям среди нерусских народов в форме так называемых национальных движений или же к национализму крайней реакции шовинистического толка. Государственный гражданский национализм с его постулатами народного суверенитета, национализм как идеология российской идентичности да и сам феномен русского народа, частью которого на протяжении длительного времени были не только малочисленные “инородцы”, но и поляки, финны, прибалты, не говоря уже о русских (великороссах, малороссах и белорусах), этот феномен пребывает вне научной проблематики. Национализм “покоренных народов” Российской империи остается одной из главных тем в области мировой историографии, а пределом теоретической новации стала концепция чешского историка М. Хроха о стадиях (пробуждения, агитации и мобилизации) в развитии национальных движений в Европе⁵. Эта позитивистская и упрощенная трактовка национализма как исторически предопределенного “движения наций” от одной фазы к другой с объективными индикаторами для каждой из фаз была некритически использована для трактовки российской истории, в том числе такими видными специалистами, как немец А. Каппелер⁶ и россиянин Б.Н. Миронов⁷. В капитальном труде последнего по социальной истории России позднеимперского периода государство рассматривается именно как “многонациональная империя”, в которой проживали русские (20% населения в границах 1897 г.) и другие “старые” и “молодые” этносы, проходившие разные стадии самоопределения, а история “национального вопроса” сводится к истории все тех же национальных движений – русского и других этносов. Авторы многих работ по “национальному вопросу в России” придерживаются именно имперского ракурса и пози-

тивистско-примордиальной трактовки этнической субстанции как донациональной или национальной общности.

Следует также учитывать, что те территории, которые со временем обрели независимость, первым делом постарались усилиями новых правящих элит отринуть общую историю в общем государстве или представить ее в культурно изолированном от России виде. Сначала вычеркнули себя из общей истории те, кто вышел из Российской империи в революцию 1917 г., и нынешняя польская и финляндская национальные истории рассматриваются сугубо как самостоятельные континуумы, а не как часть российской истории на протяжении нескольких веков пребывания в составе общего государства, когда существовали представления о “русской Польше” и “русской Финляндии”. Затем последовали изоляционистские и сепаратистские версии прибалтов времени межвоенной независимости, и, наконец, после 1991 г. родились этнонационалистические (ставшие государственными) исторические нарративы новых государств⁸.

Не признавали историю России как историю централизованного с федералистскими и культурно-автономистскими элементами государства, а не просто лоскутной империи, и те многие западные специалисты, которые в годы холодной войны разоблачали российский империализм как предтечу советского империализма, а после распада СССР стали критиковать новую “мини-империю” в лице Российской Федерации и обосновывать необходимость ее дальнейшего досамоопределения. Из тех, кто разрабатывал и поддерживал взгляд на Россию как на национальное государство, будь это Российская империя или СССР, были только немногие западные историки-эмигранты типа гарвардского профессора Михаила Карповича, которые оказали определенное влияние на послевоенное поколение западноевропейских и североамериканских историков, занимавшихся историей России⁹. Как заметил Марк фон Хаген в адрес представителей этого направления, “никто из этих ведущих историков не защищал империю как таковую; скорее, они пытались написать историю России в большей или меньшей степени как историю национального государства, или по крайней мере национального государства, находящегося в стадии формирования”¹⁰. К сожалению, такой взгляд на российскую историю был оттеснен на концептуальную периферию многочисленной литературой в рамках так называемой постколониалистской парадигмы.

Интеллектуальная драма состоит в том, что собственно советская и постсоветская историографии также не желают рассматривать проблему российского национализма, ибо почти все исследователи последних двух–трех поколений были воспитаны как этнонационалисты и другого национализма, кроме как “идеологии превосходства одной нации над другой”, они не знают. К величайшему сожалению, многие отечественные историки не признают что-либо похожее на национальное государство в дореволюционной России. Для отечественного мэйнстрима длительное время оставались в силе ленинское определение России как “тюрьмы народов” и его теоретическая новация о “праве наций на самоопределение”, под которыми имелись в виду достигшие определенной исторической стадии этнические общности. В лучшем случае политика империи описывалась в комплиментарных тонах как политика терпимости и патернализма по отношению к не-

русским народам. Правда, следует признать, что по сути своей доминирующая версия отечественной истории имела централистский характер и освещалась преимущественно в категориях и терминах, в которых обычно излагается история национального государства, а именно – как русского государства. Этническое начало здесь было минимальным, а главным был взгляд с точки зрения Москвы и Санкт-Петербурга, т.е. с позиции центра власти и доминирующей русской (русскоязычной, православной и восточнославянской) культуры. Это, безусловно, был и остается отличительный знак исторических нарративов, свойственный национальной истории, хотя таковой он мог не называться и даже не осмысливаться, а именоваться “историей государства российского” или “историей СССР”.

Исторические трансформации двух последних десятилетий, кажется, окончательно затвердили взгляд на историю России как историю последней “многонациональной империи”. История завоеваний, колонизации и угнетения дополнилась детерминистскими нотами об изначальной обреченности империй на гибель, о неизбежном стремлении угнетенных ею народов к свободе, о древних корнях их “собственной государственности” и т.п. Однако объяснительная модель “распавшейся империи” не способна дать ответы на многие вопросы давнего и недавнего прошлого¹¹. Марк фон Хаген прав, когда говорит, что в трактовке российской истории слишком грубо отождествлялись понятия “империя” и “империализм”. Действительно, почему считаются общепризнанными исторические версии таких “национальных государств”, как Великобритания, Франция и Германия, которые до первой половины XX в. были империями с внешними и внутренними колониями и с неоднородным по этноконфессиональному составу населением (не следует забывать Северную Ирландию и Шотландию в составе Великобритании, Бретань и Корсику в составе Франции, а также “лоскутную империю” Бисмарка), и почему Россия никогда не рассматривается как национальное государство? Многие считающиеся национальными государства в прошлом и в настоящем типологически мало чем отличались и отличаются от России, но, тем не менее, это радикальное отличие навязчиво утверждалось в мировой историографии при активном содействии отечественных специалистов.

“То, о чем обычно забывают при изучении Российской империи, – это вопросы о том, каким образом империи удалось просуществовать столь долгое время, как она эволюционировала с течением времени, как она примиряла друг с другом самые разнообразные сообщества и территории, вошедшие в ее состав и как сами эти сообщества и территории изменялись, оказавшись частью имперской системы”¹², – задает вопрос Марк фон Хаген и формулирует одну из назревших задач в историографии России:

“Возможен ли выход из той дилеммы, когда в одних случаях игнорируют многонациональный характер Российской империи и Советского Союза и тем самым интерпретируют прошлое России как историю национального государства, а в других случаях всячески подчеркивают многонациональный характер этих двух государственных образований лишь для того, чтобы во имя ценностей национального освобождения и национализма заклеить эти государства позором как анахроничные, приговоренные самой историей к неизбежному распаду? Существует ли некая промежуточная точка зрения – или несколько точек зрения – между этими крайностями, которая не была бы апологетикой ни империализма, ни кликушесствующего национального шовинизма?”¹³

Мы отвечаем на этот вопрос утвердительно: да, возможна такая точка зрения, которая давала бы ответ на историческую дилемму. Прежде всего отметим, что аналогичную дилемму уже пробовали решить многие отечественные историки и философы, и ближе всего к ее разрешению, на наш взгляд, оказался П.Б. Струве. Так, например, в известной работе «Никита Муравьев и Павел Пестель. “Российская” (имперская) и “русская” (национал-центристская) идеи в политических проектах декабристов» Струве писал:

“В политическом развитии России мы видим два процесса, тесно между собой связанные и в то же время в известной мере и в известном смысле расходящиеся. С точки зрения историко-социологической, нет в образовании государств различий, быть может, более основного и решающего, чем различия между единым национально-сплоченным, национально-целостным государством и Империей, образуемой из объединения под какой-то единой верховной властью разнородных в национально-этническом смысле территорий. То, что делали и сделали московские цари, уже было в одно и то же время и образованием национального государства и созданием Империи”¹⁴.

Эти концептуальные вопросы мне бы хотелось положить в основу рассуждений по поводу российского народа-нации в историческом и современном контекстах.

РОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Оттолкнемся от ранних и ценных сведений о дихотомии русский–российский, о которых писал П.Б. Струве. Они позволяют поставить вопрос о рождении национализма в России фактически до появления самого термина *нация*. Такое рассмотрение исторического феномена национализма известно в науке, как “нации до национализма”, и на этот счет имеется специальное исследование одного из ведущих специалистов по национализму Джона Армстронга¹⁵. Действительно, если речь идет о нации как прежде всего об элитном дискурсе особого типа, то дебаты между представителями государственной и научной элиты России, а позднее среди националистически настроенной интеллигенции и политических активистов из нерусских народов на территории российской имперской периферии восходят к более раннему времени, чем вошло в оборот само слово “нация” и возникло представление о национальном государстве. А содержание этого особого типа идей и дебатов сводится к трактовке народа как суверенного субъекта, а не как “черни” или плебса, к наличию у него общих черт и, самое главное, собственного Отечества или Родины, а также связей народ – правитель и народ – государство. Как известно, производителями такого рода идей и представлений издавна была и остается элита, прежде всего политики и ученые. Но тогда где и когда можно искать истоки национализма в России?

Такого рода идеи и дебаты, если иметь в виду ранний российский (донациональный) национализм, появились еще в конце XVIII в. Речь идет о баталиях в Российской академии наук о происхождении российского народа. Мы напомним о них, чтобы показать, какое место в нашей интеллектуальной традиции занимал вопрос о происхождении российского народа и его государственности, особенно в свете противостояния отечественных интеллектуалов по поводу роли норманнов в российской истории. Дебаты по этому вопросу восходят к временам М.В. Ломоносова, когда в Российской акаде-

мии наук начинают утверждаться понятия “российский народ” и “россияне” и когда одновременно складываются версии о решающем немецком или скандинавском (норманнском) влиянии на данный процесс. Одним из сторонников норманнской родословной Руси был историк и этнограф, академик Г.Ф. Миллер, с резкой критикой диссертационной речи которого на публичном собрании академии в 1749 г. выступил М.В. Ломоносов.

«Господин Миллер говорит: “прадеды ваши от славных дел назывались славянами”, но по сему во всей диссертации противное показать старается, ибо на всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют; гунны Кия берут с собой на войну в неволю. Сие так чудно, что ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен»¹⁶.

Ломоносов, будучи одним из немногих “аборигенов” в тогдашней Российской академии наук, изложил свою версию происхождения народа. Он считал, что “российский народ был за многое время до Рурика”: “варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили из древних роксолан или россов и были отнюдь не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною”¹⁷.

Канцелярия Академии поддержала Ломоносова, и Миллеру не дали слова на торжественном собрании. На следующий год среди академиков состоялась большая дискуссия по диссертации Миллера. Как пишет Ломоносов, “каких же не было шумов, браней и почти драк! Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замахивался в собрании палкою и бил ею по столу конференцкому”¹⁸. Миллера лишили звания профессора и академия издала указ об уничтожении диссертации, “так как она предосудительная России”. “По накалу и методам научный спор выплеснулся в русло политической мифологии, где на шахматной доске истории Ломоносов победоносно разыграл партию славян, полагая, что Миллер играет за обреченных германцев”¹⁹, – отметил А.В. Головнев.

Таким образом, если возводить корни национализма к историческим периодам, когда появляются первые представления о коллективной общности как общности судьбы и ее членах как существах, схожих между собой по облику, языку, достоинствам или недостаткам, тогда мы можем считать зарождением национализма в России именно 1740–1750-е годы и связывать это явление с Российской академией наук и персонально с М.В. Ломоносовым. Примерно такой же точки зрения придерживается Лиа Гринфельд, исследовавшая пять разных вариантов становления национализма в таких странах, как Англия, Франция, Германия, Россия, США²⁰. Гринфельд обращает особое внимание на решающий вклад Петра I и Екатерины II в утверждение понятий “Отечество”, “Отчизна”, которые стали все чаще употребляться вместе со словом “народ” как наиболее близким синонимом “нации”. Тогда же вместе с этими словами появляются такие категории, как *слава*, *гордость*, *служение народу* и *Отчизне*.

Примечателен в этом отношении акт 1721 г., пожаловавший Петру I титул императора Всея Руси. Члены Сената и Священного Синода просили государя возложить на себя титул “Отец Отечества”, поскольку он мно-

го сделал для него во время своего “государствования”, когда государство всех россиян и российский народ стали сильными и уважаемыми. Сам по себе термин “отечество” представлял собой новацию, которая могла и не утвердиться в российском политическом языке. Но он остался как аналог понятия *patrie*, от которого образовалось и даже пришло в русский язык слово *патриотизм*, без его родовой основы “патриа”. Место патриии заняло слово “отечество”, а “отечествизм” не получился и утвердился “патриотизм”.

Как пишет Гринфельд, “в смысле дискурса это было если еще не сознание всех, кого побуждали употреблять это слово, но все же продвижение под руководством Петра к идее нации. Это изменение словаря было очень значимым, и новые концепты должны были медленно проникать в умы отдельных людей, которым до этого постоянно напоминали, что они были чьими-то презренными рабами”²¹.

“Хотя Петр имел представление о существовании политий, которые были нациями, и даже имел прямой опыт нахождения среди них, он не мыслил Россию как нацию. Он не делал каких-либо различий между собой и своим государством. И это было потому, что государство для него было продолжением его собственной персоны. Не будучи сам националистом, он пытался сделать националистами своих подданных, но только до такой степени, каковая будет увеличивать эффективность и преданность тех, кто ему служил. Возможно по причине недостаточного энтузиазма и решимости, требуемых для выполнения этой задачи, успех его был достаточно скромным. Действительно, было что-то патетическое в несоответствии между настоянием Петра, чтобы его подданные служили государству, свободными и значит преданными гражданами которого они должны быть, и его твердым убеждением, что они должны были служить только ему, их милосердному отцу, верховному правителю, царю и защитнику.

Несмотря на то что Петр I не дал своим подданным чувство личного достоинства (фундаментальный элемент гражданского национализма), он дал им гордость быть подданными такого сильного и знаменитого правителя и быть членами – даже если и крепостными рабами – огромной и мощной империи. Он дал им повод для национальной гордости, которая будет использована последующими поколениями и составит основу для наиболее страстных форм национализма”²².

Это был “донациональный” национализм, национализм гражданского типа, ибо обосновывал существование российского народа и впервые утверждал категорию “россияне”. Его развитие происходило в последующей истории российского национализма. И здесь прежде всего следует назвать имя русского историографа и писателя Н.М. Карамзина. Именно в его эпоху, в том числе благодаря сочинениям самого ученого, фактически утвердилось представление о самостоятельном субъекте, который назывался *российским народом* или *россиянами* – своего рода прототип согражданства или нации. В 1811 г. Н.М. Карамзин в своей знаменитой “Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях” писал для императора Александра I следующее:

“Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разногласия, а спаслась мудрым самодержавием. Во глубине Севера, возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременной связью с монголами – византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами... Такая смесь в нравах, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась нам природною, и россияне любили оную, как свою народную собственность”²³.

Н.М. Карамзин употреблял близкие по смыслу слова *русский* и *российский*, но первое было ближе к пониманию обычая и культуры, а второе – к понятию гражданского сообщества. Вот как описывает он правление Лжедмитрия:

“... россияне дотоле не знали, как подданный мог торжественно противоречить монарху... Дмитрий явно презирал русские обычаи и веру: пировал, когда народ постился; забавлял свою невесту пляскою скоморохов в монастыре Вознесенском; хотел угощать бояр яствами, гнусными для их суеверия; окружил себя не только иноземною стражею, но шайкою иезуитов, говорил о соединении церковей и хвалил латинскую. Россияне перестали уважать его, наконец, возненавидели и, согласясь, что истинный сын Иоаннов не мог бы попирать ногами святыню своих предков, возложили руку на самозванца”²⁴.

В этом же сочинении мы встречаем замечания по поводу институтов и отличительных черт культуры, которые еще раз подтверждают взгляд Карамзина на соотношение *российский–русский* как на понятия близкие, но не тождественные:

“Вообще царствование Романовых, Михаила, Алексея, Феодора способствовало сближению россиян с Европою, как в гражданских учреждениях, так и в нравах от частых государственных сношений с ее дворами, от принятия в нашу службу многих иноземцев и поселения других в Москве.

...Мы, россияне, имея перед глазами свою историю, подтвердим ли мнение несведущих иноземцев и скажем ли, что Петр есть творец нашего величия государственного?.. Искренняя древние навыки, представляя их смешными, хвала и вводя иностранное, государь России унижал россиян в собственном их сердце... Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два государства могут стоять на одной ступени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях”²⁵.

Н.М. Карамзин вполне может рассматриваться одним из родоначальников российского национализма в его “донациональной” форме, а тем более в “доэтническом” виде (представление об этнических общностях в те времена не существовало). Для него быть россиянином означало прежде всего чувствовать глубокую связь с Отечеством (не только с государем!) и быть “совершеннейшим гражданином”. Исторические корни гражданства он возводил к “древним россиянам”:

“Не говорю и не думаю, чтобы древние россияне под великокняжеским или царским правлением были вообще лучше нас. Не только в сведениях, но и в некоторых нравственных отношениях мы превосходнее, т.е. иногда стыдимся, чего они не стыдились, и что, действительно, порочно; однако ж должно согласиться, что мы, с приобретением добродетелей человеческих, утратили гражданские. Имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его, присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а *Святая Русь* – первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оно!”²⁶

Карамзин признавал великую силу исторической мифологии в утверждении российского гражданина и его любви к Отечеству. И со временем российский народ становится у Карамзина главным вершителем своих судеб и даже высшим сувереном:

“Россия с честью и славою занимала одно из первых мест в государственной Европейской системе. Воинствуя, мы разили. Петр удивил Европу своими победами – Екатерина при-

учила ее к нашим победам. Россияне уже думали, что ничто в мире не может одолеть их, – заблуждение славное для сей великой монархини!²⁷

... Глас народа – глас Божий. Никто не уверит россиян, чтобы советники Трона в делах внешней политики следовали правилам истинной, мудрой любви к Отечеству и к доброму государю. Сие несчастные, видя беду, думали единственно о пользе своего личного самолюбия: всякий из них оправдывался, чтобы винить монарха²⁸.

Карамзин, безусловно, консерватор и противник внешних заимствований, ибо “добрые россияне жалеют о бывшем порядке вещей”. “Скажем ли, повторим ли, что одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основы империй, и коих благодарность остается доселе сомнительной”. Под этими нелюбимыми народом преобразованиями Карамзин видел желание монархов привнести в Россию законы революционной Франции, где появляется “национализм с нацией”. “Оставляя все другое, спросим: время ли теперь предлагать россиянам законы французские, хотя бы оные и могли быть удобно применимы к нашему гражданскому состоянию?” Карамзин верит в категорию гражданского состояния, но страшится революционного богоборчества французов во имя уже объявленной *насьон франсэз*: “Мы все, все любящие Россию, государя, ее славу, благоденствие, так ненавидим сей народ, обогранный кровью Европы, осыпанный прахом столь многих держав разрушенных, и, в то же время, когда имя Наполеона приводит сердца в содрогание, мы положим его Кодекс на святой алтарь Отечества?”²⁹.

Не следует забывать, что приведенные высказывания Н.М. Карамзина взяты из его “Записки о древней и новой России...”, адресованной государю, и все это относится к самому началу XIX в. Уже после этого был А.С. Пушкин, назвавший труд Карамзина воспеванием “прелести кнута”. Но Пушкин был не прав, не заметив тот крупнейший идеологический прорыв, сделанный историографом в утверждении категории *российский народ* и понятия “совершеннейшего гражданина”, которые ранее отсутствовали в отечественной мысли и которые были подлинными предтечами российского национализма.

Полезно проследить эволюцию гражданского российского национализма с точки зрения появления и употребления ключевого понятия “нация” и его производных. Безусловно, что национализм – это прежде всего элитный дискурс вокруг категорий народа или нации как суверенов исторического действия. Присутствие и степень укорененности представлений о едином народе, его правах и интересах и есть свидетельство и даже суть национализма. Но если это так, тогда о чем вел речь будущий император Александр I в письме своему воспитателю и другу Лагарпу еще в 1797 г.:

“Мне думалось, что если когда-либо придет и мой черед царствовать, то вместо добровольного изгнания себя, я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законною властью, которая перестала существовать, как только конституция была бы закончена, и **нация** (выделено нами. – В.Т.) избрала бы своих представителей”³⁰.

О какой нации вел речь наследник престола? Конечно же, речь шла о российской или о русской нации, под которой понимались все граждане страны, и неважно, какое конкретное слово могло быть употреблено в данном случае – русский или российский.

Александр I не исполнил своих юношеских мечтаний государственного переустройства. Косное и сплоченное дворянство, военщина и бюрократия и общая отсталость страны не позволили это сделать. Но идея нации и понятие российского народа как общности, которая заслуживает своего представительства, нашли отражение в проектах соратников императора – М.М. Сперанского и Н.Н. Новосильцева³¹. Это дало основание исследовательнице национализма Л. Гринфельд сделать важный вывод относительно исторического периода от Петра I до Александра I, когда, по ее мнению, начался переход от иерархического (сословного) видения общества к понятию “народа” как нации:

«С момента “открытия народа” закончился период зарождения российского национального сознания. Когда XVIII век подошел к концу, матрица, на которой все будущие россияне строили свою идентичность, была создана, и чувство национальности родилось на свет. Это был трудный ребенок, но муки его рождения закончились, и ребенка уже нельзя было вернуть в материнское чрево. Отныне это обстоятельство будет определять ход российской истории»³².

Мы не имеем возможности в данной статье проследить эволюцию российского национализма, а тем более – “партикулярных” (этнических и региональных) национализмов в дореволюционной России. Однако отметим, что современные исследования национализма, соединяющие модернизационный и конструктивистский подходы, позволяют по-иному взглянуть на историю России в XIX в. Реформы середины века, Крымская война и польское восстание 1863 г. ознаменовали решающую стадию в становлении российского национализма. Это был период распространения образования, расцвета отечественной прессы и более интенсивных связей между разными общественными группами. Это был период, когда, по словам Б.Н. Миронова, в России общность (в смысле – общинность) становилась обществом и когда обществу к февралю 1917 г. удалось установить контроль над государством³³. Именно тогда российская многоэтническая элита в постоянных дебатах и конкурирующих проектах сконструировала представление о нации как об интегрированной по государству общности.

Такое представление, например, развивал издатель Михаил Катков на страницах влиятельной газеты “Московские ведомости”. Используя категорию “русской народности”, он требовал признания ее исторических заслуг и придания ей статуса “политической национальности”, которая автоматически должна быть обязательной для всех граждан государства. В содержательном плане Катков высказывался не за этническое, а за национальное государство с единой системой права, образования и управления и с ограничением сословных прав. Катков и ведущая в стране газета никогда не выступали с пропагандой русификации других народов, ибо считали, что политическая национальность должна иметь полиэтнический и поликонфессиональный характер. Это была позиция интеграции всех частей государства на

основе правовой и гражданской унификации, и для “Московских ведомостей” категория нации имела прежде всего политико-географическое содержание. Интегрирующим началом русскости должно быть не столько православие, сколько русский язык, и тогда “русские подданные католического исповедания” должны были считать себя “вполне русскими людьми” (это касалось особенно части католиков-белорусов)³⁴. «Катков сместил акцент лояльности внутри имперского патриотизма не с помощью замены его этническим императивом, но добавлением к понятию нации триады из династии, государственных сословий и монархии. Это предъявляло неслыханные доселе требования к политическим и интеграционным силам отсталого и гетерогенного царского государства. В итоге обе действенные силы, общество и “народность”, слились неразрывно в понятии “нации”»³⁵ – пишет немецкий историк А. Реннер.

Россия не оказалась в стороне и от идей экономического национализма, которые одним из первых были разработаны теоретиком “промышленного воспитания нации”, немецким экономистом Фридрихом Листом. Его труд “Национальная система политической экономии” вышел в свет в 1841 г., и он противостоял крайне популярным тогда идеям фритредерства и так называемой классической политэкономии Адама Смита³⁶. Напомним, что понимал под нацией Ф. Лист, и именно это понимание было позднее с энтузиазмом воспринято в России, как минимум, частью ее правящей элиты. Лист отвергал “беспочвенный космополитизм, который не признает сущности национализма и не принимает в расчет национальных интересов”, а также “разрушительные партикуляризм и индивидуализм, которые... рассматривают в сущности лишь частную промышленность в том виде, в каком она развивалась бы при свободе отношений в обществе, т.е. во всем человечестве, если бы оно не было расчленено на отдельные нации”. И далее, как бы закладывая идеологию будущего объединения и внешней экспансии Германии, Лист писал во второй половине XIX в.:

“Но между отдельным человеком и человечеством стоит нация с ее особенным языком и литературой, с ее собственным происхождением и историей, с ее особенными нравами и обычаями, законами и учреждениями, с ее правами на существование, на независимость, прогресс, вечную устойчивость и с ее обособленной территорией; образовавшись в ассоциацию посредством солидарности умственных и материальных интересов, составляя одно самостоятельное целое, которое признает авторитет закона, но в то же время, как целое, владея еще естественной свободой по отношению к другим подобного рода ассоциациям, нация при существующем мировом порядке не может обеспечить свою самостоятельность и независимость иначе, как собственными силами и своими частными средствами... Значительная населенность и обширная, снабженная естественными богатствами территория – вот необходимые признаки нормальной национальности; они составляют основное условие умственного развития, равно как материального преуспевания и политического могущества”³⁷.

Таким образом, нация для Листа – это страна, а национализм – это политика обеспечения экономических и других интересов страны и ее народа. Нисколько не сомневаясь в том, что Россия – это нация, т.е. национальное государство, Лист утверждал:

“Всякая нация, как и всякий человек, не имеет более дорогих интересов, как свои собственные. России нечего заботиться о благосостоянии Германии. Пусть Германия занимается

Германией, а Россия – Россией. Вместо того, чтобы жаловаться, надеяться и ждать Мессию будущей свободы торговли, было бы гораздо лучше бросить космополитические системы в огонь и поучиться на примере России”³⁸.

Как показало время, Лист во многом был прав, и благодаря таможенному протекционизму, ликвидации разнородных денежных систем, железнодорожному строительству и другим реформам в объединенной Германии ее экономика преуспевала. Национализм утверждался в этом имперском образовании, становясь примером для России. Одним из видных российских националистов – последователем идей Листа (русский перевод его трактата вышел в 1891 г.) был министр финансов С.Ю. Витте. Еще в 1889 г. он опубликовал первую в русской литературе книгу о системе Листа, а в 1912 г. она была переиздана под примечательным названием “По поводу национализма”. Вот что Витте писал о национализме в кратком предисловии к этому изданию:

“Преклоняясь перед многими мыслями Листа, который был как бы предтечей Бисмарка, я считаю этих двух деятелей истинными националистами. Однако новейшие течения показывают, что национализм может получать разнообразие формы и объем применения в зависимости от места, времени и степени культуры. Так, например, Бисмарк, объединив Германию и создав империю с резким выражением национализма и с министерством, зависящим лишь от императора, не считал препятствием к созданию “национального” государства: конституционную поместную автономию, веротерпимость по отношению подданных негосподствующего вероисповедания, даже нехристиан, равноправность всех граждан вне зависимости от вероисповедания и происхождения, установление отношений правительства ко всем гражданам и их между собою на основании незыблемых и одинаковых для всех законов и проч. Между тем многие из указанных явлений жизни Германской империи считаются иногда несовместимыми с национальными основами”³⁹.

Эта цитата действительно примечательна во многих отношениях. Во-первых, Витте использует сами термины “национализм” и “национальное государство”, хотя берет в кавычки слово “национальный”, поскольку это была для того времени словесная новация: так условно начинали называть государства, проводившие политику нациестроительства (этот термин также еще широко не использовался). Во-вторых, Витте скрыто полемизирует с точкой зрения, которая полагает, что национальные государства должны иметь один центр без какой-либо автономии регионов, одну религию и сословную иерархию. Германия к тому времени была одновременно империей и утверждающимся национальным государством. Именно такой хотел видеть Россию граф Витте, и его вера в национализм отражена в следующем абзаце предисловия его вышеназванной книги:

“Мне полагается, что есть национализм здоровый, убежденный, сильный, а потому непугливый, стремящийся к охране плодов исторической жизни государства, добытых кровью и потом народа, и достигающий этой цели; и есть национализм болезненный, эгоистичный, стремящийся, по-видимому, к той же цели, но как подчиняющийся более страстям, нежели разуму, нередко приводящий к результатам противоположным. Первый национализм есть высшее проявление любви и преданности к государству, составляющему отечество данного народа; второй составляет также проявление тех же чувств, но обуреваемых мстостью, страстями, а потому такой национализм иногда выражается в формах диких для XX века”.

Далее Витте прямо пишет, что националистом первого рода был Бисмарк и что этот тип “более желателен для нашего отечества”⁴⁰.

После Великих реформ Россия становилась все более современным (“национальным”) государством в смысле административной, правовой и культурной унификации всех частей империи и интеграции общества по вертикали через сословные, религиозные и регионально-этнические барьеры, которые имелись среди ее населения. А “поскольку существование национально-региональных особенностей во всех сферах жизни служило важнейшим препятствием для реализации этих задач, правительство вынуждено было проводить модернизацию под знаком русификации, которая в тех условиях означала не создание преимуществ и привилегий для русских, а прежде всего систематизацию и унификацию управления, интеграцию всех этносов в единую российскую нацию”⁴¹, пишет Б.Н. Миронов. К сожалению, слишком буквально понимая интеграцию как некий процесс “слияния этносов” и слишком доверчиво полагая, что политика “культуркампа” в Германии и аналогичные усилия по нивелировке населения в других европейских странах привели к формированию этнически однородных наций, Б.Н. Миронов делает вывод, что территориальная экспансия и другие факторы превратили Россию в многонациональную империю и “замедлили развитие единой российской нации”. В то же самое время “Российская империя никогда не была колониальной державой в европейском смысле этого слова”⁴².

Действительно, если воспринимать нацию как что-то, что должно сформироваться из одного или из нескольких этносов, тогда такой исторический субъект, а тем более момент его рождения, установить будет почти невозможно. Как показали авторитетные исследования, те, кого долгое время называли французской нацией, на самом деле только во второй половине XIX в. преодолели множество регионально-этнических партикуляризов и стали более или менее культурно схожим населением⁴³. Аналогичные ситуации культурно неоднородного населения существовали в других европейских странах, которые убедили себя и внешний мир, что они есть нации. *Поэтому нации возникают не в тот момент, когда сформируется некая социально-культурная и языковая гомогенность, которая, по мнению многих российских и зарубежных специалистов, так никогда и не сложилась в России. Нация есть продукт идеологии национализма, и, как писал норвежский антрополог Т.Х. Эриксен, она “возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порожаемое городской элитой. Тем не менее, чтобы стать эффективным политическим средством, эта идея должна распространиться на массовом уровне”*⁴⁴.

Если принимать этот подход, а он на сегодняшний день является господствующим в мировой науке, тогда следует рассматривать не только “реальную” социологическую и культурную унификацию российского общества, но и степень распространенности российской идентичности и гражданского (государственнического) национализма среди элитных слоев общества в противовес партикулярным (этническим) национализмам. И здесь мы можем увидеть то, что мало интересовало предыдущих аналитиков. Мы обнаружим, что в элитной среде гражданский национализм был доминирующей идеей и он превосходил другие формы национализма – от почвеннически русского (в узкоэтническом смысле) до периферийного этнонационализма.

Не только для Витте, но и для многих других влиятельных деятелей страны наиболее приемлемым было кредо П.Б. Струве: “Я западник, а потому – государственный. Я западник, а потому – националист”.

Как это ни покажется неожиданным, но расписанные в исторических текстах буквально по минутам “национальные движения” в империи Романовых были маргинальной формой культурных и социально-политических манифестаций, крайне редко облакаемые в риторику национализма, а тем более в его сепаратистской форме. Более того, немецко-балтийская элита была одним из катализаторов формирования российского национализма как соединения государственных и этнических элементов в составе основополагающей общности, и она поддерживала понятие российской нации. В исторических анналах обнаруживаются достаточно сильные проявления российской идентичности (гораздо сильнее, чем этнические формулы и призывы) среди других нерусских народов, даже среди населения Финляндии и Польши, не говоря уже о Поволжье и Кавказе. При этом следует помнить, что в то время сами по себе слова “русский” (в широком смысле, а не как великороссы) и “российский” были взаимозаменяемыми, и для понимания различий между государственным и этническим смыслами необходимо анализировать контекст, в котором они употреблялись. Поэтому более чем легитимными были такие понятия, как “русская Польша”, не говоря уже об Украине и Белоруссии, которые считались русскими регионами, как и их население⁴⁵. Украинцы и белорусы воспринимались общественным мнением и чиновниками как часть большой русской нации. Как отмечает автор исследования по проблеме восприятия белорусов в России того времени, “мысль о существовании особой белорусской культуры и языка, не говоря уж о национальности, редко возникала, а если и рассматривалась, то обычно лишь для того, чтобы сразу ее отвергнуть, – в этом видели лишь способ, с помощью которого поляки намереваются ополячить местных “русских”⁴⁶.

А. Реннер, который в своей докторской диссертации рассмотрел проблему национализма в России в XIX в. на основе взгляда на национализм как на систему интерпретаций, а на нацию – как на “живую легенду”⁴⁷, пишет:

«Российская государственная мысль образует в содержательном плане оппозицию этническим, в узком смысле слова русским, критериям “нации”. Она примыкает, с одной стороны, к государственному патриотизму самодержавия. С другой стороны, прослеживается ее связь, как и в других странах, с XVIII веком, с обозначившимися в ту пору требованиями к современному национальному государству. Из этих отношений возникло нечто новое, российский национализм, который, точно так же, как его предшественник, русский национализм, исходил не от царской монархии, а от передовой части постепенно формирующегося общества»⁴⁸.

Под влиянием новых подходов пересмотрел свою точку зрения и такой последовательный “империалист”, как А. Каппелер. В уточненных нами переводах двух отличительных немецких слов “Russisch” и “Russlandisch” (“русский” и “российский”) одно из его последних высказываний на эту тему выглядит следующим образом:

“Отношения напряженности между этническим (русским) и демотическим (российским) концептами до сегодняшнего дня являются актуальной константой образования наций. Самым значительным при этом является то, что единство в толковании современной российской нации возникло не в противовес, а в тесной связи с самодержавным Российским государством.

Воображенная нация, которая стала новым ведущим представлением в среде политической общественности, вобрала в себя традиционные интеграционные идеологемы лояльного имперского патриотизма и религиозно-языковой культурной нации и соединила их воедино. Российская нация должна была реализоваться в собственном государстве и в союзе с самодержавием объединить нерусскую периферию и русский народ⁴⁹.

Еще один немецкий исследователь истории “национального вопроса” в России – Герхард Симон также опубликовал работу с обсуждением категории “российская нация”⁵⁰, что достаточно примечательно, если иметь в виду, что такое понятие вообще не присутствовало в его ранних трудах.

В целом можно сделать вывод, что накануне революции 1917 г. российское государство представляло собой полумодернизированную империю, в которой «режим через линию от Уварова до Победоносцева открыл для себя “народность”, но не возвысился до официального государственного национализма»⁵¹. Тем не менее в стране сложилось представление об общности судьбы и веры, и это представление создавало реальную общность, объединявшую образованную (служилую и интеллектуальную) часть населения, для которой слово “Россия” означало гораздо больше, чем название страны. *Россия накануне революции была как империей, так и национальным государством на основе многонациональной нации.*

Историческая драма состояла в том, что правящий центр оказался слабым, и верх одержали силы радикального передела и социальной революции, которые взяли в союзники быстро народившиеся периферийные национализмы этносепаратистского характера. Схожий процесс поражения недостаточно сильного гражданского национализма от периферийных этнонационализмов имел место спустя столетие, когда распался СССР. Современные исследователи сходятся в том, что националистические движения оказали существенное влияние на развал царской империи и Советского Союза. “Но это явилось все-таки только вторым шагом после того, как правящий центр развалился или был существенно ослаблен изнутри. События в центре, Февральская и Октябрьская революции, горбачевская перестройка и августовский путч 1991 г., а не возмущение наций стали толчком к дезинтеграции обеих многонациональных империй”⁵², – заключает А. Каппелер. Вывод о том, что не этнический фактор был первопричиной кризиса обеих государственных систем, сделан и многими другими специалистами в данной области, в частности американским историком Рональдом Суни и немецким историком Манфредом Хильдермайером⁵³. обстоятельное исследование истории национализма в империи Романовых было выполнено российским историком А.И. Миллером⁵⁴, наблюдения и выводы которого сходны с нашим анализом.

“СОВЕТСКИЙ” ВМЕСТО “РОССИЙСКИЙ”

Длительно существовавшие и достойнейшие категории “российский народ” и “россияне” ушли из политического лексикона после 1917 г. по той причине, что из названия государства ушло слово “Российская”. За 80 лет советской власти российскость как категория и как смысловое начало оказалась просто забытой! Нынешние конструкторы субъективных предписаний

(политики, ученые, журналисты, деятели культуры) сторонятся представления о российском народе как о гражданской, исторической и социально-культурной общности в отличие от повседневных проявлений общности на уровне профессиональных, родственных и местных коллективов, которые они готовы признавать и демонстрировать. Наряду с исторической есть причина чисто политическая: под лозунгом “Россия!” радикально-демократическая оппозиция противостояла власти КПСС и советского центра. Под этим лозунгом Б. Ельцин сместил М. Горбачева, и этот лозунг в ряду с аналогичными (“Грузия!”, “Латвия!” и т.п.) послужил распаду СССР, ибо в данном случае под Россией понималась территория РСФСР – одна из частей исторического российского государства.

Произнесенное президентом Ельциным с особым интонационным выражением слово “россияне” вызывало отторжение у разных категорий экспертного и политического сообщества – и у тех, кто был не согласен с распадом СССР, и у тех, кто хотел, чтобы Россия продолжала распадаться и дальше. На протяжении всех 1990-х годов мне приходилось встречать многократные сомнения по поводу современной России как состоявшегося государства и, тем более, по поводу российского народа и россиян, что воспринималось как нечто искусственно сконструированное и реально не существующее. В частности, в мой адрес как директора Института этнологии и антропологии приходили запросы от лидеров ЛДПР В.В. Жириновского и А.В. Митрофанова дать заключение: на каком основании появился и используется термин “россияне”, который никакой народ не представляет и является своего рода эвфемизмом.

Чем вызвано столь мощное отторжение российскости? Во-первых, доктринальной инерцией и инерцией словоупотребления советской эпохи, в которую выучились современные ученые и политики. Во-вторых, политико-идеологическими соображениями в пользу опять же более привычного варианта национализма – этнического, кто бы его не представлял: русские, татары или чеченцы. Наконец, есть еще один важный момент: не всегда осознаваемая попытка восстановить старую синонимичность слов *российский* и *русский* и неэтническое понимание слова *русский* в общекультурном или общегражданском смысле, существовавших до 1917 г. в некоторых сферах (например, все, что связано со словесной культурой). Попробуем разобраться со всеми этими аргументами и найти возможность выхода из теоретико-терминологического тупика и ментального хаоса, которые далеко не безобидны для реальной политики и для жизни страны.

В СССР “национальный вопрос” был возведен в ранг большой теории и фундаментальной политики. Ни одно национальное обществоведение в своей научной номенклатуре не отвело так называемой теории нации и национального вопроса, того особого места, которое она заняла в советском обществоведении. Эта сфера теоретизирования была изъята из обычных гуманитарных предметов (истории, этнографии, социологии) и определена в комплекс “марксистско-ленинских дисциплин”, куда входили помимо диамата, истмата и политэкономии также история КПСС, марксистско-ленинские эстетика и теория национального вопроса. Во всех вузах существовали соответствующие кафедры, для которых в огромном количестве готовились специалисты преимущественно в Академии общественных наук и Институте

марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Преподавание названных дисциплин было обязательным для всех факультетов.

В Библиотеке имени В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека) под рубрикой “Национальная политика КПСС в...” (далее следовало название очередной пятилетки, республики или области)” стоял целый каталожный шкаф с названиями книг, брошюр и авторефератов диссертаций. В стране была группа известных теоретиков (некоторые из них здравствуют и работают поныне), которые создавали не только фундаментальные сочинения на данную тему, но и разработки для очередных партийных съездов и документов. Этот раздел всегда присутствовал в отчетных докладах и в программах партии и отражал определенную динамику государственностроительства. Ученые, в том числе и академические, с энтузиазмом комментировали решения и высказывания руководителей государства и КПСС по развитию национальных отношений, хотя зачастую сами были их авторами⁵⁵.

Советская теория официально отвергала национализм как “идеологию порабощения и превосходства одной нации над другой”. Национализм мог быть только буржуазным и только со знаком минус. Его нужно было искоренять, что и делалось, начиная с 1920-х годов. Борьба с буржуазными националистами служила главным аргументом для репрессий в республиках и в отношении этнических меньшинств страны. Но в то же самое время этнонационализм стал исключительной собственностью государства, правящей партии и доминантой социальной теории. Этничность не только спонсировалась, она всячески “национализировалась” (лингвистически и институционально): все хотели быть нациями и только нациями, а не народностями или нацменьшинствами. Последние понятия скоро ушли из академического и политического языка по причине жалоб и протестов субъектов этих категорий.

Единственным, но крайне существенным шагом в сторону гражданского национализма было утверждение новых словосочетаний – *советский народ*, *советский патриотизм* и *советская культура*, не говоря уже о фундаментальных понятиях “Отчизна” и “Родина”, которые констатировались с первой страницы букваря. Но если некогда бывший российский народ стал называться советским народом, в этом ничего драматического не было. Подобных случаев переименования история знает немало, в том числе и вполне успешных.

Что оказалось сомнительным, а точнее, излишне идеологизированным и научно несостоятельным, так это определение идеологами брежневских времен советского народа еще и как “новой исторической общности”, хотя ничего принципиально нового в этой общности по государству не было. Советский народ имел свои объединяющие символы, ценности, представления, культурный арсенал, общепережитые драмы и достижения, но именовать его типологически невиданной в истории “интернациональной общностью” – это уже была псевдоакадемическая глупость.

Так что советский народ был, как и был советский гражданский национализм без самого слова “нация”, причем в очень выраженной форме и во многих сферах: социальной однородности и солидарности многоэтнического населения, широком распространении и использовании русского языка, территориальной-символьной привязанности, национальной идентичности в

форме советского патриотизма, культурно-спортивных манифестаций, литературного и театрального процесса и во многих других сферах и формах. Нынешняя категория *российский народ* может вызывать некоторую ностальгию, отчасти по причине испуга от быстрого политического распада советского народа, который ныне некоторым кажется вредным советским мифом. Но это напрасные страхи. *Советский народ распался не потому, что его не было, а по причине раскола элит и краха государственности.*

Вторая причина – это господство в российской аналитике и в историко-софских дебатах устаревших советских заблуждений о том, что есть народ, нация и национальное государство. Эти три категории на протяжении многих десятилетий трактовались в этническом смысле, и все, что определялось как “национальное”, обозначало этническое. СССР и Российская Федерация воспринимались исключительно в категории “семьи народов” и их дружбы или “многонационального народа”. Соответственно, под этот шаблон понимания мы подгоняли и внешний мир: в Англии живут англичане как нация, в Китае – китайская, в Испании – испанская, в Индии – индийская нация, а в России – 128 наций и народностей.

Отечественные юристы даже международно-правовые документы и декларации о самоопределении народов и т.п. умудрились изложить на языке этнического национализма, хотя международное право понимает под категорией *народ* территориальное сообщество и не признает этнический партикуляризм в качестве государствообразующего принципа.

Когда в ежегодном президентском послании в 1994 г. было впервые сказано, даже как о перспективной цели, о российской гражданской нации, отечественные этнонационалисты выступили резко против этой необходимой доктринальной новации, а Рамазан Абдулатипов даже написал открытое письмо Б.Н. Ельцину с обвинением неких “безнациональных” ученых и политиков, которые “подсунули президенту западную идею нации как согражданства”.

Под воздействием этнонационализма и по причине экспертной слабости на протяжении ряда лет в России существовали смутные представления и установки по части национальной государственности и национальной идентичности. С трудом, но все-таки появились понятия национальных интересов, бюджета, обороны, безопасности, здоровья нации, лидера нации и т.п. Все равно для этнонационалистов от науки и политики Россия не существует как национальное государство, ибо сам субъект нации до сих пор спущен на уровень этнических общностей, а их территориальная автономия в виде субъектов федерации, культура, наука, образование – это и есть субстанции, к которым прилагается “национальное”. А если у русской нации нет “своей республики”, то нужно ее создать, как когда-то считал тот же Абдулатипов, или же объявить Российскую Федерацию национальным государством русских, как полагают нынешние русские этнонационалисты. Или же в качестве некоего компромисса объявить всех жителей страны русскими, если они того пожелают, как заявляют С.Ю. Глазьев⁵⁶ и его сторонники более просвещенного варианта этнонационализма, а точнее, возвращения былого широкого понимания русскости.

Как видим, вплоть до сегодняшнего дня национальное государство мыслится только как государство, находящееся в пользовании одной этнонации

и одной этнокультуры. А раз так, то и никакого разговора о России как национальном государстве быть не может. Так многие думают в Москве и в Казани, а уж для западных экспертов по России саморазрушительная формула “многонациональности” – это вообще спасительная надежда на возможное досамоопределение страны в границах “собственно России”.

“РОССИЙСКИЙ” ВМЕСТО “СОВЕТСКИЙ”

Президент В.В. Путин вернулся к объединяющей и единственно точной дефиниции главного субъекта власти, политики и управления – понятий *российский народ* и *российская нация*, что является по своей сути синонимами. Выступая в Кремле 12 июня 2003 г. на празднике, посвященном Дню России, он сказал: “Где бы мы ни родились, где бы ни выросли – все это наше родное Отечество. А вместе мы – один, единый, могучий российский народ”.

На совещании в Чебоксарах 5 февраля 2004 г. президент произнес следующие слова: “Мы в свое время – еще в советские времена – говорили о единой общности – советском народе. И были под этим определенные основания. Полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас всех объединяет. Наши предки очень много сделали для того, чтобы мы чувствовали это единство. Это наша историческая и сегодняшняя реальность”.

Не менее определенно и даже на двух языках (татарском и русском) президент сказал аналогичные слова в августе 2005 г. на праздновании 1000-летия Казани: “Без Казани, без татар и татарской культуры не было бы российского народа и исторического российского государства в том виде, как оно существует последние века, включая день сегодняшний. Казань и Республика Татарстан – это и есть Россия”.

Эти фундаментальные и давно ожидаемые утверждения нуждаются в осмысленной поддержке со стороны просвещенной части общества, ибо представляют собой не просто доктринальную новацию, но и серьезный вызов для научного сообщества, политической бюрократии и всех, кто формулирует и формирует представления граждан. Противники понятий *российский народ* и *национальное единство* обнаружили сразу, причем там же в Казани. В те же юбилейные дни Р. Хакимов опубликовал книгу, в которой обосновывается невозможность существования российской нации, а одним из аргументов против гражданской нации стало утверждение, что время наций-государств прошло, а пришло время этносов, из которых и состоит современный мир:

«Прощание с нациями-государствами требует изменения многих привычных представлений. Россия как нация-государство в свое время не сложилась. Она держалась как империя и рухнула под напором наций, образовавших ряд государств на постсоветском пространстве. Попытка сегодня создать россиян как нацию – дело бесполезное, ибо невозможно вернуть политические процессы индустриальной эпохи... В Российской Федерации этническую дифференциацию невозможно нивелировать, наступила эпоха, стимулирующая культурное многообразие. В этих условиях пытаться конструировать нацию-государство “россиян” все равно, что пытаться плыть против течения в то время, когда в баке кончился бензин»⁵⁷.

Помимо этнонационализма представителей российских меньшинств не менее существенным разрушителем российскости выступает национализм шовинистического толка, для которого “россияне” – это некий эвфемизм, а Россия есть потому, что есть русские, хотя хорошо известно, что в разные исторические времена русскими называли или всех православных, или всех восточных славян (великороссов, малороссов и белорусов). Узкоэтническое содержание понятие *русские* обрело только в период строительства “социалистических наций”. Тем не менее утопическая мечта вернуть смыслопонимание *русского*, как это было до советского нацистроительства, остается. Необходимы серьезные разъяснительные усилия и моральные принуждения, чтобы в публичном пространстве было меньше заявлений, подобных сделанному депутатом Госдумы от ЛДПР Н. Курьяновичем: “Давно пора переломить узость и сектантство в правом русском патриотическом движении. Мы должны сбросить с себя ярмо россиянина и показать, что мы русские, что нас много, что с нами придется считаться”⁵⁸.

Если же говорить не о политиках-неофитах, а о профессиональном экспертном сообществе, то здесь сторонников русского *versus* российского проекта более чем достаточно. Одним из авторов рождения новой русской нации является В.Д. Соловей⁵⁹, для которого выступления сторонников КПРФ или недовольных реформой монетизации, а особенно активизация деятельности экстремистских групп ксенофобского и неонацистского толка представляется рождением новой общности – новой русской нации. Это же, с точки зрения В.Д. Соловья, означает крах проекта создания гражданской нации.

Еще один вариант похорон гражданской нации поступил на рынок идей со стороны противников “путинизма” из числа леволиберальной интеллигенции. Прежде всего это эссе Эмиля Паина “От Третьего Рима к гражданской нации?”⁶⁰, в котором содержится критическая ссылка на мою позицию. Хотел бы подтвердить, что действительно считаю, что после распада СССР в России самоопределился российский народ как многоэтническая гражданская нация, и это есть свершившийся факт. В данной позиции нет “пыла полемики или каких-то иных причин”, кроме научной убежденности на основе собственного анализа российских и мировых реалий. Сразу скажу, что не согласен с негативными оценками политической эволюции и современной ситуации в России, особенно с тем, что “страна наша – империя, в которой есть привилегированный Центр и бедные окраины, если не колонии”, что Москва, “как огромный насос, высасывает финансовые, материальные и интеллектуальные ресурсы из провинции”, что жители России “только называются гражданами, в реальности же они подданные”, “объект политических манипуляций”. А раз в “империи не может быть гражданских наций”, то Эмиль Пайн не признает наличие российской нации. Попытки утверждать российскую идентичность (прежде всего через изначальное признание существования такой нации) называются им “имитационной политикой”. “Переназывание вещей” обречено, по его мнению, на провал, ибо представляет собой верхушечную инженерию “власти над народами без их на то согласия”. Это больше, чем приглашение читателя к размышлению. Это одна из позиций многочисленных противников российской нации, высказанная ведущим в стране экспертом. Здесь требуется ответ, а точнее – разъяснения и аргументы, к которым ученый обязан прислушаться.

“Империей позитивных акций” назвал свое фундаментальное исследование истории советской национальной политики гарвардский историк Терри Мартин – представитель нового и уже достаточно влиятельного направления в западной науке, которое разделяет мой подход, что именно в сфере спонсирования этничности и конструирования “социалистических наций” советский опыт никак не может считаться колониальным⁶¹. СССР был скорее не тюрьмой народов, а колыбелью наций. Именно этнический национализм при недостатке гражданского национализма (последний только частично компенсировался советским патриотизмом) послужил причиной распада страны по границам этнотерриториальных образований, которые в советском научном и политическом языке и назывались “национальными государствами”. Неслучайно зачинатель этого подхода американский историк Рональд Суни писал, что “СССР был единственным в мире государством в том смысле, что он отважился на рискованный эксперимент отказа от использования столь мощной объединяющей категории, как “нация”, передав ее в исключительное пользование проживающих в стране этнических групп”.

После периода радикального отрицания всего советского в современной обществоведческой науке уже мало кто характеризует СССР как империю, состоящую из господствующего Центра и эксплуатируемой этнической периферии. “Колониалисты” и “постколониалисты” продолжают господствовать только в экспертном сообществе постсоветских государств и в странах – бывших сателлитах СССР. В публицистике, в том числе в российском радикально-демократическом словаре, имперский и постимперский дискурс по-прежнему используется. Теперь, как мы видим, уже появилось его продолжение во взгляде на Российскую Федерацию как на новую империю или “мини-империю”.

Никак нельзя согласиться с такой оценкой глубоких перемен в области либерализации российского общества, которую дают им нынешние недобровольные “вертикальной страной”. Так же невозможно согласиться с определением Москвы как Третьего Рима, которая возвышается над бедными окраинами. Ранний отрыв Москвы по части обустройства и богатения уже преодолен, и нужно презирать или не замечать преобразившиеся крупные города страны от Санкт-Петербурга до Казани, Уфы, Владикавказа, Хабаровска и Анадыря, чтобы называть их “бедными окраинами, если не колониями”.

Никак нельзя согласиться с категоризацией нынешнего поколения россиян как “подданных” и не более. У нас есть и граждане и гражданское общество с его институтами, включая Общественную палату. Кстати, одним из самых мощных институтов является Российская академия наук с ее свободным и компетентным отрядом ученых-обществоведов. Неужели в Институте социологии РАН работают “подданные” и сам Эмиль Паин себя и своих коллег к свободным и ответственным гражданам не относит? Что-то здесь не так. Не может столь знающий человек полагать, что в Китае, Индии, Пакистане, Йемене, Индонезии, Колумбии, Мексике и прочих странах есть нации потому, что там есть свободные граждане, а не подданные, а в России нет граждан и, значит, нет и нации. В Китае десятки миллионов людей вообще не имеют никаких прав, а запачкавшие краской портрет Мао сидят в тюрьме второй десяток лет, в Индии не меньшее число людей – это кастовые изгои “неприкасаемые”, в Пакистане половина населения не умеет чи-

тать, Йемен является наследственной монархией и женщины там не имеют права голоса, но нации в этих и других не менее “проблемных” странах есть, а вот в России почему-то нет и все!

Такая позиция – не более чем политизированная эмоция. На самом деле наличие нации в стране не связано со степенью демократизации, “вертикализации”, “гигантской социальной поляризацией”, которые якобы не позволяют считать россиян нацией. Фактически все государства, входящие в состав Организации Объединенных Наций, имеют в своем арсенале понимание населения как нации, а своего государства как национального государства. В Индии, Колумбии, Бразилии, Мексике и в десятках других стран мира социальной поляризации и политического манипулирования не меньше, чем в России, но они почему-то могут считаться нациями. А вот Россия не может, ибо в ней “сконструированная аппаратом Общественная палата”, Федеральное собрание зависят от исполнительной власти и имеются прочие “отступления от демократии”. Разногласия Паина с Путиным и его претензии по части “развития гражданского общества” есть ничтожный повод для утверждения, что гражданская нация в современной России невозможна. Это не более, чем недовольство ельциниста (семь лет он был в его президентской администрации) нынешними путинцами, как недовольны теми и другими бывшие горбачевцы, для которых все, что последовало после М.С. Горбачева, – это полный крах.

Есть в России нация! Есть и гражданское общество! Именно по этой причине мы выступаем против позиции “формирования” того и другого как неких проектов или идей будущего. Перевод российской нации в проект для XXI в. есть отрицание настоящей России, ибо если нет граждан, нет гражданского общества, нет гражданской нации, тогда что же остается – “народы, управляемые без согласия”, как полагает Эмиль Паин? Возражаю категорически.

Самое печальное то, к чему призывают ведущие московские публицисты:

“...не гнаться за химерой национального государства, для создания которого отсутствуют какие-либо условия... Давайте исходить из реальностей. Россия никогда не была национальным государством. И не существует такой – российской нации...”

... Мы говорим о русской нации, о русском (российском) национальном государстве (а некоторые вопреки всем правилам логики и здравому смыслу даже говорят о России как о нации), но, поскольку на самом деле ничего этого не было и нет, мы вынуждены делать разного рода оговорки...

Россия была и есть то, что можно назвать территориальной империей. Территориальная империя как форма государственного устройства господствовала в мире и в Европе на протяжении столетий, причем Россия – единственная европейская территориальная империя, сохранившаяся до наших дней”⁶².

И, наконец, еще одна форма непризнания российского народа и его национальной государственности проявилась среди энтузиастов “формирования” российской нации как проекта для XXI в.⁶³ Бывшие ярые противники единого согражданства ныне выступили с поспешно написанными книгами о “теории политической нации, цель которой – формирование государственного единства на условиях выявления потенциала многонациональности, а не только самоутверждения государства как инструмента в руках доминирующей нации”⁶⁴. Для Абдулатипова “этносы, этнонации создаются и развиваются только в человеческом сообществе, поэтому это один из родо-

вых признаков человеческого индивида, результат их общности”, а первичное значение “ощущения принадлежности к единому демократическому Российскому государству и российской гражданской политической нации” – “это старое фразерство, прицепленное к новым лозунгам”⁶⁵.

Надежды, что процитированные выше авторы окажутся среди тех, кто будет публично признавать и утверждать российскую идентичность, достаточно мизерные. Однако ирония в том, что политики и эксперты типа Абдулатипова в своей публичной жизни служат именно российской национальной государственности и российскому народу, а в своей частной жизни он в союзе с русской супругой произвел индивида с “родовым признаком” россиянина русско-аварского этнического происхождения. Эти трое россиян и есть один народ, а не “дружба народов”, а свою аварскую суперэтничность таким людям лучше лелеять только по ночам, да и то в одиночестве.

Население нашей страны обладает высокой степенью единства в смысле общих ценностей, культурной гомогенностью, активным межэтническим взаимодействием, которым могли бы позавидовать многие крупные государства, утверждающие с разной долей успеха идею единой нации среди своего населения. Причем население этих стран, в отличие от России, не может разговаривать между собой на одном языке и его части воюют друг с другом десятилетиями. Достаточно назвать Индию, Испанию, Китай, Индонезию, Мексику, Нигерию, ЮАР и десятки других стран, где этнического и языкового однообразия нет, а концепция единой нации есть и реально сплачивает страну.

В России – наоборот: *есть реальное единство при сохранении этнокультурного разнообразия среди россиян, но нет представления об едином народе, его национальных интересах и национальной культуре*. У нас “национальные интересы народа” – это партикулярные запросы граждан татарского, осетинского, кабардинского, якутского, бурятского и иного этнического происхождения. “Национальная культура”, “национальное образование” в России – это не российские культура и образование, а аварские, даргинские, марийские, мордовские и прочие культуры и школы. А далее сразу следует “выход в мировую культуру”, как бы минуя российскую.

Идеологи этнонационализма проводят линию, что татарский, башкирский, марийский, мордовский и другие культурные компоненты не являются частью российского культурного арсенала, а это часть полумифических и политизированных “тюркского мира”, “финно-угорского мира” и прочих “татарских миров”. Один из последовательных идеологов татарского национализма пишет:

«Россия изначально сущностно содержит в себе два мира, два разных мироощущения, два культурных ареала: русско-православный и тюрко-исламский, которые мало взаимодействуют друг с другом, умудряясь жить при этом в непосредственной близости, в одном пространстве... Татары должны работать в тюркском мире, как это было и сто и двести лет назад. Это наша экономическая и культурная ниша, в этом наше преимущество... Российское государство все народы загнало в тупик, включая и русских. Сегодня выбираться из этой трясины можно только собственными усилиями, отстаивая демократию и федерализм, противодействуя имперским инстинктам, произволу и духу наживы. Надо громко сказать: “Я – татарин”, не стесняясь сложившихся стереотипов»⁶⁶.

Получается парадокс: люди живут веками в России, бок о бок с русскими, украинцами, немцами, коми и прочими, работают вместе, женятся и рас-

тят детей, общаются между собой на одном языке, а ученые и политики убеждают их в существовании каких-то других миров, помимо *российского мира* – действительно древнего, реального, повседневного, жизненно важного для каждого.

Следом за националистической идеологией и паранаучными писаниями принимаются государственные программы поддержки избранной категории россиян, родные языки которых лингвисты поместили в одну языковую семью, например, финно-угорскую. А уже за ними следом, только с противоположным смыслом, эстонские политики вносят в ПАСЕ проект резолюции о нарушении прав финно-угорских народов в России. Обе эти *позиции спонсирования этнического партикуляризма есть по сути отрицание российского народа, а значит, и России.*

Для нашей страны и для ее населения становится все более разрушительным и неадекватным назойливо употребляемое множественное число “народы России”, и пока мы не начнем, наряду с этим, утверждать понятие *российский народ*, ничего не получится. Не нужно ничего “формировать” и делать из татар или бурят россиян, а тем более – русских. Задача ответственных экспертов – терпеливо и настойчиво (пока не дойдет хотя бы до журналистов) объяснять, что *российскость как идентичность и российский народ-нация – не результат внутренней унификации, а естественное наложение на множество внутренних этнокультурных различий, которое существует среди населения страны.* Россияне – это свершившийся факт, и только малая просвещенность, узколобый национализм или политические амбиции стоят за утверждением о провале проекта гражданской российской нации.

Итак, сохраняющееся восприятие российского народа исключительно в формуле “дружбы народов”, а не сложного единства представляет собой провал отечественной и зарубежной экспертизы. Это есть догматические и националистические заблуждения, намеренно поддерживаемые внешними противниками России. Национальную идентичность россиян нужно утверждать более последовательно, и не только редкими высказываниями президента. Необходимо прежде всего признать, что национальная идентичность, а значит, российская нация существует, а не есть просто мечта или задача для очередного “строительства”. Дальше отрицать и разрушать российскость недопустимо.

Всеми доступными методами нам нужно решительно утверждать российский национализм, имея в виду осознание и отстаивание национального суверенитета и интересов страны, укрепление национальной идентичности российского народа, утверждение безоговорочного приоритета самого понятия “российский народ”. Всекие другие варианты национализма на основе этнических крайностей – от имени одного государствообразующего народа или от имени “дружбы народов” – несостоятельны и должны быть отвергнуты.

НОВЫЙ РОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Итак, что есть гражданский национализм и как возможно его осмыслить и утверждать в России? Еще раз повторим, что *гражданский национализм – это комплекс разделяемых населением государства ценностей, правовых и других норм, а также политических и культурных символов, которые оформляют представление о стране как национальном государстве и о ее народе – как нации*. Гражданский национализм многолик в своих конкретных проявлениях, но в то же самое время в нем есть некоторые общие черты и принципы, которые позволяют говорить именно о национализме, а не о каком-то другом явлении, как, например, патриотизм.

Разделение национализма и патриотизма – далеко не простое дело, да и не всегда выполнимая задача по той простой причине, что в своих проявлениях на уровне государственной общности они фактически совпадают. Другими словами, гражданский национализм от имени политической нации не может существовать без выражения лояльности государству или того, что называют “любовь к Родине”. По крайней мере доктринальное содержание этого вида национализма обязано включать патриотические призывы, декларации, пропаганду и конкретные чувства желательно как можно большего числа граждан той или иной страны.

В свою очередь, национальный гражданский патриотизм (существуют также разного рода гражданские патриотизмы регионального и местного характера) немислим без общеразделяемого образа страны и выражения в отношении страны и ее народа чувств и эмоций позитивного характера. Но тогда имеется ли различие между национализмом и патриотизмом, или они обозначают один и тот же феномен?

В своей книге об американском национализме британский журналист и историк Анатолий Ливен, ссылаясь на работы одного из отцов неоконсерватизма в США Ирвинга Кристола⁶⁷, объясняет, почему слова “гражданский национализм”, а не “патриотизм” более адекватно характеризуют господствующий компонент в американской политической культуре. “Патриотизм проистекает из любви к прошлому нации; национализм вырастает из веры в будущее нации, в ее величие. Цели американской внешней политики простираются дальше узкого определения национальной безопасности. Это есть национальный интерес мировой державы, определенный ее национальным предназначением”⁶⁸, – отмечает Ливен.

Подобное различие между национализмом и патриотизмом делают и другие крупные историки национализма. Кеннет Миног, например, определял патриотизм как по сути своей консервативное явление, желание защитить свою страну, часто усиленное верой в более широкую национальную миссию для человечества⁶⁹. В американской политической культуре начала XXI в. безусловно есть сильный элемент патриотизма, приверженности американским институтам и к современной Америке как к своего рода эталонной стране. Но в американском национализме есть и революционный элемент, склонность к мессианскому видению нации. Именно поэтому А. Ливен делает вывод:

“Если в отмеченных Миногом и Кристолом различиях между патриотизмом и национализмом имеется смысл, тогда следует признать, что, скорее национализм, чем патриотизм,

является более корректным словом, которым следует описывать наиболее характерное национальное чувство американцев. Эта особенность современного американского национализма более схожа с исторически неудовлетворенными и догоняющими национализмами Германии, Италии и России, чем с удовлетворенным и приверженным статус-кво патриотизмом британцев»⁷⁰.

Но если одна грань американского национализма носит мессианистский характер, ибо она устремлена в будущее нации и в якобы предначертанное ей величие, то его другая грань не менее радикальна, ибо она постоянно обращается к идеализированному национальному прошлому. Воплощением этой стороны американского национализма является идеология правых республиканцев и “правых христиан”, которые озабочены восстановлением во всей его чистоте старого американского общества, в основе которого лежало доминирование белых протестантов англо-саксов и ирландских католиков. Кстати, среди многих американцев сохраняется консервативная религиозность, и она служит одним из столпов радикального консерватизма до сих пор. Это связано с целым комплексом озабоченностей и страхов социального, экономического и этнорасового характера, включая враждебность жителей малых городов и сельского населения по отношению к городам, заселенным новыми иммигрантами, а также с неудовлетворенностью снижающимся статусом традиционного “белого рабочего класса”. А. Ливен отмечает:

«В результате экономических, культурных и демографических изменений в Америке – этой победоносной нации современной эпохи – большое число американцев переживает чувство поражения. Внутренние озабоченности и страхи, которые порождают это чувство поражения, распространяются и на отношение американцев к внешнему миру. В 2002 г. 64% опрошенных американцев считали, что их “образ жизни нуждается в защите от иностранного влияния” (по сравнению с 51% среди британцев и 53% среди французов). Американские данные расположились между данными по Западной Европе и данными по странам развивающегося мира, таким, как Индия (76%). Но пикантность заключается в том, что “иностранное влияние”, которого опасаются больше всего представители развивающихся стран, это именно влияние Соединенных Штатов Америки»⁷¹.

При всех противоположностях двух стран – России и США, – особенно по социальным условиям жизни и по культуре, некоторые базовые схожести национализмов налицо, а именно: обращенность в мифологизированное прошлое как источник патриотизма свойственны обоим национализмам. Насчет видения будущего есть существенное различие: российский национализм (национализм без признанной категории нации, но с националистами) с недавних времен (после распада СССР) лишился мессианской и революционизирующей одержимости, хотя вера в лучшее будущее и даже в некое предначертание России как моральной спасительницы мира появляется в современном общественно-религиозном дискурсе.

Вера в светлое будущее составляет важный компонент идеологии российского национализма главным образом как форма отторжения современности. Именно это составляет радикальное различие между российским национализмом и национализмами в США, Франции, Германии или Индии и Китая. Хотя социальные и этнорасовые страхи также и даже больше (в связи с периодом реформ и массовой иммиграцией) присущи российскому человеку, нигде не наблюдается столь шизофреническая смесь обращенного назад и вперед российского национализма с целью отрицания современной российскости.

Видимо, если говорить о стилевых отличиях, то *гражданский национализм в России – это больше патриотизм, обращенный в прошлое (ностальгический национализм), чем национализм, устремленный в будущее (мессианский национализм)*. Но обсуждение всех этих тонкостей не имеет особого смысла, ибо, для того чтобы в новой России патриотизм, ослабевший после обрушения его советского варианта, обрел хоть какую-то стилистику гражданского национализма, необходимо более решительно признать наличие самой нации. Национализм без такого признания может существовать, но с признанием своего рода референтной категории его возможности становятся более широкими и более естественными. Другими словами, если есть российская нация, то, безусловно, флаг, гимн, олимпийская команда, объединяющие общество идеи или проекты должны быть национальными, а не “общенациональными”, как стараются стыдливо переименовывать эти вещи противники гражданской нации, скрыто вкладывая в смысл слова “общенациональный” что-то “общее для всех наций”. Маленькая, едва заметная словесная уловка, но за ней кроется достаточно серьезный смысл!

Теперь о национальной идентичности, ее смысле и соотношении с другими формами идентификационных характеристик человека. Идентичность, этническая, религиозная, национальная или государственная, определяется как прошлым опытом, так и доступными настоящими и будущими возможностями. *Национальная идентичность – это особая форма политической идентификации, которая не является естественной, заданной, а должна вырабатываться и распространяться главным образом через усилия интеллектуалов, политиков и общественных активистов, которые делают связь с нацией основополагающим источником эмоциональных и интеллектуальных обязательств и приверженности.*

В отличие от этнической идентичности, которая имеет подвижный и часто сложный характер (особенно в смешанных семьях), национальная идентичность является более жесткой и более значимой. Она даже подкрепляется правовыми нормами (разного рода присяги в армии, при получении гражданства, занятии высоких должностей) и официальными документами (национальные паспорта). Хотя национальная идентичность, как правило, определяется элитой, гораздо большее число людей использует свою национальную идентичность в эмоционально-идеологических целях: в современном мире человеку крайне важно иметь чувство принадлежности к народу–стране–государству. Люди без гражданства и без национальной идентичности (это две близкие, но не всегда совпадающие категории) считаются редкой аномалией, и от нее стараются избавиться. Возникновение огромного числа “апатридов” – людей без гражданства в Латвии произошло только при поощрении этой акции со стороны международного сообщества и при пассивности России и самих лишенных гражданства. В других случаях “мировое сообщество” такого не позволяет: все люди на Земле должны быть “оприходованы” существующими национальными государствами.

Национальная идентичность – это не справка из ЖЭКа, и она используется человеком в инструменталистских целях, т.е. для собственных интере-

сов. Так было с давних пор и так остается поныне. Например, инструментальское использование национальной идентичности издавна практиковалось гражданами испано-французского пограничья: преследуя собственные локальные интересы, люди пребывали в поиске “национальности”, которая лучше всего им подходила. В ходе этого процесса они меняли государственную принадлежность в ту или иную сторону и не только на уровне отдельных людей, но и даже местных сообществ⁷².

Массовая “игра в паспортизацию” не только властями, но и самими жителями постсоветских государств говорит о том, что идентификация по государству хотя и осуществляется правовыми актами самого государства, но индивиды не автоматически обретают национальную идентичность вместе с гражданством. Некоторые люди из ближнего и дальнего зарубежья могут иметь паспорта российского государства, чтобы только проще пересекать его границу и выгоднее вести бизнес, или же чувствовать себя в большей безопасности в случае определенных угроз в местах проживания. Но это совсем не означает, что они идентифицируют себя с Россией как “их страной”. Некоторые люди могут иметь национальные паспорта других государств, но их национальная идентичность связана с Россией. Такая категория людей, безотносительно их этнического происхождения, существовала и продолжает существовать в странах бывшего СССР, но по причинам политизированного этницизма и академической догматики эти люди, точнее, такая форма идентичности не признавалась в России ни политиками, ни специалистами. Только в самое последнее время федеральный закон 2006 г. “О государственной поддержке российских соотечественников, добровольно переселяющихся в Российскую Федерацию”, сделал невиданную для российской ментальности запись-определение: “соотечественник – это лицо, имеющее связь с Россией, владеющее русским языком” и т.п. Таким образом была признана форма национальной идентичности безотносительно формального гражданства.

И все же национальная идентичность без гражданства – это, скорее, девиантный случай, в частности вызванный распадом исторического российского государства в 1991 г. Норма – это паспортизированное (т.е. установившее свою правовую связь с государством) население, которое уже самим этим фактом (если паспортизация не была насильственной) продемонстрировало свою национальную идентичность. Но этого далеко недостаточно. Необходим своего рода как разработанный, так и постоянно конструируемый под воздействием жизни репертуар национальной идентичности или гражданского национализма.

Если нации можно представить себе политическими общностями, состоящими из людей, которые верят в общеразделяемые характеристики – ценности, исторический опыт, язык, территория, символы, тогда необходимо эти характеристики воспроизводить и поддерживать. Именно это дает общности право на самоопределение и возможность контролировать часть территории Земли (их родину), иметь государство и вытекающие из этого преимущества. Российская политическая элита и общественное мнение оказались глубоко разделенными по вопросу о том, кто образовал наше государство, что делает наше государство легитимным и что составляет российскую нацию. В советской системе этничность и национальность были настолько

тесно спаяны, что постсоветские игроки оказались в затруднении представить себе другие формы осуществления политики в многоэтническом сообществе, кроме как продолжение сдачи национального в пользу этнического и обеспечение консолидации через “дружбу народов” и “интернационализм”, а не через “национализацию” (в смысловом и политико-правовом отношениях) многоэтнического российского народа.

В то же время предпринятый нами исторический экскурс в прошлые века свидетельствует, что этнические границы были гораздо более проницаемы, а политика более нейтральна к этническому фактору⁷³. Процессы миграции, смешения и взаимодействия на обширной территории Евразии создали уникальную многоэтническую и многоязычную российскую и позднее – советскую культуру, основу которой составляла русско-язычная культурная традиция. В поликонфессиональном и многоэтническом Поволжье и на Северном Кавказе сформировался наиболее сложный, но цельный культурный симбиоз. Только в XIX в. и особенно в советский период интеллектуалы и политики стали разрабатывать “этногенетические” и “цивилизационные” несхожести между россиянами и принижать сходство, несмотря на официальную советскую идеологию сближения и развития социалистических наций. Подобная увлеченность политиков и ученых различиями вплоть до биологии и психологии имеет место и в настоящее время, но уже под лозунгами многокультурности. Собственно национальной идентичностью мало кто занимается и не знает, как заниматься.

С самого начала образования Российской Федерации возникли эти достаточно сложные и плохо осознаваемые политической элитой и учеными проблемы формирования новой национальной российской идентичности, которая, как и во всех других государствах, включает в себя некоторые неотъемлемые компоненты. Процесс этот обычно инициируется и направляется государством в лице его органов власти и других институтов воздействия и гражданского обучения. Но что-то рождается снизу, особенно в периоды бурных социальных катаклизмов, включая рождение самого государства. Так, например, с 1991 по 1993 г. в России явно и фантастически быстро сложился один из новых национальных символов – “парламент” или “Белый дом” – здание, в котором заседал Верховный совет Российской Федерации и вокруг которого произошли драматические события. Также быстро менялись герб, государственный флаг и гимн.

Народ и активисты социального пространства с энтузиазмом отвергали советскую идентичность, и новации входили в жизнь быстрее, чем их осмысление. Со временем “первый парламент” себя погубил конфликтом с президентом, точнее, президент погубил парламент и отдал уже почти ставшее национальным символом здание на Краснопресненской набережной для нужд правительственной бюрократии. Как видим, символ ушел из жизни так же быстро, как и пришел, что говорит о подвижной и конструируемой природе национальной символики.

Крайне любопытные коллизии произошли с национальным гимном, причем не столько по части музыки (здесь автор не считает себя специалистом), сколько по части слов. Их переделывал на новый лад человек из советской эпохи, воспитанный на “дружбе народов” и по-другому нашу страну не представлявший. Слова, казалось бы, не должны были иметь особого

значения, ибо цель состояла в том, чтобы восстановить музыку советского гимна и убрать из текста одиозные слова про партию и вождей. Однако именно в словах оказалась несформулированной суть нового государства как государства российского народа. И получилась настоящая концептуальная каша и даже абсурд во время некоторых торжественных церемоний. Приведем пример из процедуры принятия президентской присяги во время вступления В.В. Путина в должность в 2004 г.

Звучит гимн: “священная держава и любимая страна”, “могучая воля и великая слава на все времена”, но далее про Отечество утверждается, что – это “братских народов союз вековой”. После гимна президент произносит присягу “Клянусь многонациональному народу Российской Федерации”, а на приеме провозглашает тост “За российский народ!”. Амбивалентный язык приводит к амбивалентной политике, и в России это налицо.

Среди компонентов национальной идентичности важную часть составляет символика и национальный календарь. Старые праздники уходят с трудом. В ноябре 2004 г. Госдума обсуждала законопроект о новом календаре (статья 112 Трудового кодекса). Исключались 7 ноября, День Конституции и майские праздники. Вводились 4 ноября и новогодние каникулы с 1 по 5 января. Споры вызвала отмена празднования 7 ноября. «От имени фракции “Родина” я предлагаю не трогать этот праздник, это святой праздник, и пусть каждый вкладывает в него свое содержание, – заклинал депутат Валентин Варенников. “Все праздники выстраданы историей, поэтому нельзя их просто так отменить, – говорил Геннадий Зюганов. Хотя именно коммунисты отменили празднование 4 ноября как день победы над польскими интервентами⁷⁴.

Первое празднование Дня народного согласия высветило еще более ярко разные подходы и отношение к российскости и к проблеме утверждения национальной идентичности. Самыми яркими противниками выступили представители русского националистического движения. Накануне праздника в Доме журналистов провели пресс-конференцию лидеры двух одиозных организаций: “бородатые” – Евразийский союз молодежи (последователи А. Дугина) и “лысые” – Движение против нелегальной иммиграции. Представитель ЕСМ В. Коровин объяснил, что союз приветствует рост национализмов, т.е. этнического самосознания народов России, поскольку “народы – это мысли Бога”. “Но нас беспокоит, что такой же процесс не происходит с русским народом. Мы не видим роста русского национализма”. В целом эти процессы активизируются в стране, но не они определяют ситуацию и перспективу. Относительно нового праздника вполне разумно выразился мой коллега по Общественной палате Лео Бокерия, директор Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева:

“Отношение к этому празднику у меня очень хорошее. Мне довелось два года назад в этот день быть на Красной площади. Увиденное там произвело на меня огромное впечатление. Я снова был среди граждан великой страны, сплоченных общей идеей и достижениями. Можно ведь просто декларировать свою независимость и сидеть, сложа руки, а можно наполнить ее истинным содержанием, чтобы каждый понял, в какой великой стране он родился и вырос. У такого народа и такой России есть, чем гордиться!”⁷⁵

Именно ракурс и установка на видение определяют восприятие и мнение как рядового человека, так и ученого. Они же определяют и отношение к

проблеме нации и национальной идентичности в России. Для одних, как, например, для эксперта Горбачев-Фонда В.Д. Соловья, «государственная стратегия идентичности в России увенчалась блистательным провалом: политическую, гражданскую нацию “россиян” создать не удалось и в обозримой перспективе не удастся»⁷⁶. Причина тому, по его мнению, – враждебность и чуждость обществу российского государства, “неэффективного, некомпетентного, коррумпированного”. Для таких авторов, воспринимающих время после М.С. Горбачева как “морально-психологический кризис русского народа”, особенно если учесть, что “за пять столетий национального бытия русские являли собой один из наиболее успешных народов мировой истории”⁷⁷, оказываются достаточными примеры экстремистских и неонацистских акций, а также выступления части дезинформированных граждан против реформы монетизации социальных льгот, чтобы сделать вывод о “рождении русской нации”. События в сентябре 2006 г. в карельском городе Кондопога, когда после жестокой драки между приезжими кавказцами и местными жителями последовали спровоцированные московскими агитаторами массовый митинг и погромы, трактуется такого рода экспертами как триумф нового русского национального сознания. Почему-то недавние аналогичные (с этническим, расовым или религиозным мотивами) и гораздо более масштабные и кровавые внутригражданские столкновения в США, Индии, Франции, Мексике, Пакистане, Индонезии и других странах не толкуются как конец существования наций, а у самих себя похороны устраиваются даже непризнанному младенцу?

Вместо этого делается попытка обосновать этнобиологическую природу новой русской нации. Наряду с антинаучными текстами расистского характера, которые распространяются в большом количестве среди маргиналов, профессиональные эксперты выстраивают концепцию своего рода большого этнического поворота, подлинной революции, с которыми не могут сравниться никакие другие трансформации последних пятнадцати лет:

“Происходит без преувеличения исторический переход русского народа к новой для него магистральной парадигме понимания и освоения мира – этнической. Кардинально меняется устройство русского взгляда на самое себя и на окружающий мир. Драматическую глубину этой революции придает то обстоятельство, что в структуре самого этнического пласта биологический принцип (кровь) начинает играть все более весомую роль и конкурировать с этнокультурной компонентой (почвой)... Стоит предостеречь от распространенного заблуждения, согласно которому так называемая политика воспитания толерантности – сама по себе или в сочетании с репрессивными мерами – способна предотвратить этническую радикализацию (и радикализацию вообще) подрастающего поколения. Радикализм и расизм – лишь элементы происходящих в России фундаментальных, поистине тектонических социокультурных и ценностных сдвигов. Радикально меняется смысл самого национального бытия, происходит рождение новой русской традиции. Ее вектор и содержание не внушают гуманитарного оптимизма, поскольку эта традиция – неоварварская, связанная с архаизацией ментальности и общества, опусканием их в глубь самое себя и человеческой истории. В контексте архаизации естественным и неизбежным образом происходит актуализация принципа крови, заменяющего более сложные и рафинированные, но неэффективные в деградирующей стране социальные связи и идентичности. В каком-то смысле нам повезло оказаться свидетелями переломной эпохи мировой истории, наблюдателями подлинного исторического творчества, которое масштабно, спонтанно, непредсказуемо и не подчиняется ничьей указке. В ходе этого творчества происходит настолько всеобъемлющая и кардинальная трансформация русского народа, что в пору говорить о рождении новой русской нации”⁷⁸.

Вот такое воспевание разрушительного абсурда обрушивают на головы читателей вполне убежденных в своих изысканиях специалисты. Тогда что же говорить о менее искушенных гражданах, если действительно повседневные и мощные проявления российской идентичности и патриотизма те, кто призваны их создавать, стараются не замечать и уж тем более не поддерживать. Неужели специалисты-обществоведы и устроители разных социологических опросов не замечают доминирование российской идентичности или хотя бы всеобщего энтузиазма граждан по поводу спортивных побед национальных команд и отдельных спортсменов⁷⁹? Неужели не видны всеобщие озабоченности и негодование граждан по поводу национальных поражений или наносимых обид? Неужели не заметны солидарность россиян и их растущая уверенность перед лицом внешнего мира, будь это туристский маршрут или же деловой контакт? Наконец, невозможно сравнить число орудующих в темных дворах скинхедов и число молодых людей, носящих на своих майках и куртках слово “Россия”, или “Russia”.

Что же нужно сделать, чтобы просвещенные и влиятельные умы нашей страны приняли российский народ и его национальную идентичность как свершившуюся данность и как важнейшую ценность, а не как недоразумение, о котором нужно как можно скорее забыть? За многие годы изучения этого вопроса и отстаивания идеи российской нации у меня есть уверенность в успехе этого проекта. Как мы показали в данной статье, длительное историческое время *русский–российский* были близкие и даже взаимозаменяемые понятия. Значительную часть прошлого века советский общенациональный проект снимал эту синонимичность, заменив ее многонациональностью советского народа. В новых исторических условиях многонациональность как формулу и как политику сохранить можно и даже нужно, но не более как синонимы полиэтничности и многокультурности и при условии признания гражданской нации, чего ошибочно не сделали ни русский царь, ни политбюро ЦК КПСС. Но можно ли восстановить досоветскую синонимичность *русский–российский* после столь длительной “национализации” проживающих в стране народов, включая русский народ-нацию, и примут ли ныне эту взаимозаменяемость те, кто считает себя россиянами и желают оставаться татаринoм, чувашом, осетином, чеченцем, якутом и т.д.? На этот счет нужны ответственные дискуссии, а не дезориентирующие проповеди.

* * *

Заключительная часть данной статьи появилась под воздействием прочтения интересной книги А.И. Миллера о национализме в период поздней империи Романовых⁸⁰. Многие наблюдения и выводы автора совпадают с нашими, но в чем-то есть расхождения, скорее всего не в главном, а в традиции словоупотребления. Пожалуй, основное расхождение состоит в том, что А.И. Миллер не отважился сделать решающий шаг в рамках разделяемого им понимания дискурсивной (а не позитивистско-социологической) природы нации и национализма, а именно, более определенно признать существование в России представления об общности по государству (т.е. представления о гражданской нации), как бы эта общность не называлась на

разных этапах истории (“российский народ” и “россияне” – при Петре I, Екатерине II и Александре I; “большая русская нация” и “российская нация” – при Николае II; “многонародная нация” или “советский народ” – при советских правителях; “многонациональный народ”, “российский народ”, “россияне” и “российская нация” – при В.В. Путине).

В этом направлении историк сделал важные шаги, признавая вслед за некоторыми зарубежными специалистами, что империя Романовых в XIX – начале XX в. в лице значительной части элиты, в том числе и периферийной, содержала в общественно-политическом дискурсе представление об единой большой нации и что помимо символического единства вокруг правящей династии имели место общероссийская идентичность и лояльность государству. “Россия была национализирующимся государством”, – делает важный вывод А.И. Миллер, ставя ее в один ряд с другими государствами, проходившими схожую историческую стадию “из империи в нацию” (Германия, Италия, Австрия и Венгрия, Османская Турция).

Следует признать, что этническая и религиозная принадлежность стала важным фактором, дающим возможность определять лояльность населения и влиять на нее в целях государственной консолидации и межгосударственного соперничества только в эпоху Первой мировой войны (до войны официальная имперская статистика даже не пользовалась категорией этничности). Как замечает А.И. Миллер, “в ходе войны империи – соседи Россия, Австро-Венгрия, Германия, – прежде сдержанно разыгравшие этническую карту в соперничестве друг с другом и по-своему обреченные на солидарность из-за совместного участия в разделах Речи Посполитой, теперь в полную мощь использовали это оружие, которое оказалось обоюдоострым. Можно сказать, что взрывной рост национализма на западных окраинах во многом был следствием тягот тотальной войны вообще и новой политики империй в соперничестве друг с другом, в частности”⁸¹. Не следует забывать, что “одной из главных целей войны для России было объединение русского народа, к которому, согласно общерусской идее, принадлежали и восточные славяне монархии Габсбургов”⁸².

Эти положения не являлись штабными расчетами военных стратегов империи, а выражали общественное мнение о том, что не только украинцы и белорусы, но и “русская Галичина”, составляя единый мир, должны быть вместе. О том же, в частности, писал П.Б. Струве – либерал, империалист и националист в одном лице, – “что тогда было нормой, причем во всей Европе”⁸³. Но только Струве был националистом российским, считая русскими “всех, кто участвует в культуре”, и именно так понимал содержание терминов “русская нация” или “российская нация”, которыми пользовался как синонимами. Общерусская идентичность была распространена не только среди петербургских военных, региональных администраторов и части интеллектуалов, но и в массе населения. Особый политический отдел МИД России 18 мая 1917 г. докладывал Председателю Временного правительства князю Г.Е. Львову о состоявшемся в Петрограде “собрании русских беженцев из Галиции, Буковинской и Угорской Руси”. Они выразили “самоопределяющуюся волю в смысле желания видеть Галицкую, Буковинскую и Угорскую Русь соединенной с великой Российской демократической Республикой: “Собрание глубоко уверено, что присоединение указанных областей

является лишь восстановлением русским революционным народом справедливости и долга по отношению к малорусской народности, принявшей в течение веков самое действенное участие в создании и укреплении общей русской культуры и, подобно польскому народу, расчлененной бессмысленной прихотью самодержавных царей и кайзеров”⁸⁴.

Ситуация с национализмами существенно поменялась после октября 1917 г. Мы согласны с американским историком Т. Мартином, что советская этническая политика носила модернизационный и антиколониальный характер и представляла радикальный разрыв с политикой империи Романовых. Принципы организации СССР были качественно иными в сравнении с империей Романовых и другими империями Нового времени, политика положительного действия сознательно утверждала формы именно национального государства⁸⁵.

Эта пока маргинальная для мировой историографии позиция совпадает с нашей. Т. Мартин справедливо полагает, что в СССР был осуществлен первый в истории эксперимент политики положительного действия, т.е. политики спонсирования этнических меньшинств, поощрения этнонационализма, за исключением национализма “господствующей нации”, под которым имелся в виду “великорусский шовинизм”. Такая политика получила довольно точное название политики национализации, т.е. формирования социалистических наций с наделением их своими “национальными территориями”, столичными городами, экономической базой, письменными языками, профессиональной культурой и т.п. Помимо союзных и автономных республик в стране были созданы тысячи так называемых национальных советов. Со временем они были упразднены в силу своей избыточности для обычного гражданского управления и осуществления политико-идеологического контроля, а также невозможности сохранять желаемый этнодемографический профиль местных сообществ. В целом СССР при внешних формулах “дружбы народов” и интернационализма был мощным национальным государством, где народ с его социальной и идеологической однородностью и советским патриотизмом представлял собой, несомненно, нацию, к сожалению, не признаваемую в данном словообозначении внутри страны и по своей сути в значительной части внешнего мира.

Расхождение с А.И. Миллером начинается с того, что он не может признать образ-представление о российском народе и российскую идентичность как реальность политической, гражданской нации, которую так все долго ищут и не могут обнаружить. На самом деле никакой другой реальности у данной субстанции быть не может. А это означает также, что само *российское государство, каким бы оно ни было по устройству – монархией-империей, союзом республик и страной советов или республикой-федерацией, – может и должно квалифицироваться как национальное государство*. Вопрос только в том, с какого времени можно говорить о России именно в таком плане: когда появились сами слова о народе как о субъекте истории и родился “национальный дискурс”, т.е. российский национализм, или когда “сформировалась нация” (общие экономика, язык, солидарность и единое самосознание и психический уклад)? Если это первое, тогда у нас есть определенный ответ, о котором было сказано выше: это время, начиная с М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина и Александра I. Если это второе,

тогда следует признать, что подобного периода в истории России не было вообще и быть не может, ибо пока еще нигде и никогда одной этнической группе не удалось стать исключительным владельцем национального государства, даже если она себя таковой провозглашает. В современной науке стало аксиомой, что никакой планки из социологических показателей, различающих “ненациональное”, “многонациональное”, “национализирующееся” и “национальное государство”, не существует. Имеется степень убеждения и распространенность убеждений среди элитных слоев общества, включая прежде всего политический класс, а также установка исследователей находить в истории культурную сложность и выдавать ее за несовместимые архетипы или не абсолютизировать ее и видеть “негомогенное целое”, говоря словами М.М. Бахтина, и “многонародную нацию”, употребляя выражение И.А. Ильина.

К сожалению, до сих пор никто из историков такого определенного вывода в отношении России не сделал по ряду причин. Одна из них – это слабая разработка и плоское понимание феномена национализма в отечественной историографии. Другая заключается в политико-идеологической заангажированности исследователей истории России, как отечественных, так и зарубежных, и, наконец, доминирование позитивистского видения истории и социологического реализма.

История имперской России чаще всего выступает в обворованном виде по той причине, что «национальные историографии тех народов, которые когда-то входили в империю, в свою очередь, концентрируются на собственной нации и сравнительно недавно обретенном государстве, проецируя их в прошлое. Для них империя – лишь тягостный контекст, в котором “просыпалась”, зрела, боролась за независимость та или иная нация. В национальных историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставился просто потому, что на веру принимается стремление власти сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной»⁸⁶. А.И. Миллер справедливо обращает внимание на огромное разнообразие смешанных и переходных культурных форм среди населения страны, коллективную и индивидуальную политику ситуативности в вопросах этничности и религии, меняющиеся смыслы фундаментальных понятий территории, нации, русскости и российскости, сложность и многослойность исторического действия под влиянием внутренних и внешних факторов. Но он почти не замечает и не исследует российскую общность, сводя ее к варианту русского национализма как своего рода всего лишь зеркального отражения национализма от имени нерусских народов.

Применительно к позднеимперскому периоду им делается вывод, что “пространство империи становилось ареной соревнования националистических движений”, хотя “взаимодействие национальных движений и соперничество их проектов не имели какого-то заранее предопределенного исхода”⁸⁷ прежде всего потому, что вплоть до Первой мировой войны периферийные национализмы носили маргинальный характер. Их неожиданный триумф был вызван кризисом Центра и намеренной поддержкой со стороны революционистских партий, одна из которых в конечном итоге захватила власть в России.

К этой же категории этнических национализмов А.И. Миллер относит и русский национализм, хотя признает его неоднозначный и подвижный характер и сложную динамику взаимоотношений русского национализма и империи: “империя Романовых не только использовала националистический ресурс, но и упорно сопротивлялась “национализации” в течение большей части XIX века. Русский национализм в различных его версиях мог выступать союзником самодержавия и его противником”⁸⁸. И здесь важно отметить, что, называя одним и тем же словом “русский национализм”, его этнический (великорусский) и общероссийский (общерусский) варианты, мы выносим за пределы анализа два разных явления, существовавших в России. Мы не выделяем более четко то, что следовало бы называть *российским национализмом*, или то, что А.И. Миллер и другие называют “широким русским национализмом” или общерусской идеей. В те времена подобная языковая амбивалентность была допустима, а сейчас она труднореализуема и крайне конфликтогенна.

В современной ситуации важно, как будет называться в Российской Федерации гражданская нация, понимаемая как историческая и социокультурная общность жителей страны. Важно, чтобы эта общность была признана как основополагающая и легитимизирующая страну как национальное государство, наряду со всеми остальными государствами мира. Некоторые из ведущих экспертов, политологов, политиков считают, что основой государства должен быть “русский проект” и нация должна называться русской нацией. Таким образом, мы как бы восстанавливаем вариант, который почти был в России, но не был реализован до конца из-за революции 1917 г. Мне представляется, что такой возврат невозможен, хотя бы даже потому, что украинцы и белорусы уже не захотят снова становиться русскими и быть частями “большой русской нации”. Такой возврат невозможен, потому что “русский проект” в основе нашего государства ставит сложную проблему места в нем для нерусских. Просто заявить, что Россия – это государство русских, а русские – это все, кто таковыми себя считает, этого уже недостаточно для обеспечения единства и лояльности народа. Наоборот, проект российской нации носит не взаимоисключающий характер. В нем есть достойное место для русского и нерусского, для православного и мусульманина без утраты собственной идентичности и даже групповой целостности каждым из них.

Среди противников российского проекта есть намеренные отрицатели, которые между собой хорошо блокируются (заметим, что российскость отрицают как крайние татарские, так и крайние русские националисты, и здесь они действуют солидарно). Но есть и искренне заблуждающиеся или трудно переучивающиеся. Действительно, в российском проекте есть некоторая лингвистическая сложность. Для большинства зарубежных и отечественных специалистов по России используемый нами термин “российская нация” воспринимается с трудом: у зарубежных англоязычных авторов просто нет другого слова, кроме слова *Russian*, переводимого одновременно и как *русский*, и как *российский* (только у немцев появился уточняющий вариант *Ruslandisch* для обозначения слова “российский”). Для отечественных авторов просто нет другого национализма, кроме этнического. Российский национализм – это для них что-то странно звучащее, хотя они признают индий-

ский, британский, американский и другие подобные национализмы, выступающие от имени многоэтнических наций и государств.

Но просвещенный А.И. Миллер, как и другие мои высокообразованные коллеги по аналитическому цеху могли бы сделать это существенное различие и не ограничиваться ссылкой на разные варианты русского национализма, следуя буквально за традицией словоупотребления. Не следует также пытаться переиграть крайних этнонационалистов, забрав у них русский проект в общероссийскую пользу. Этот второй вариант крайне рискован, и он едва ли осуществим без явного подавления несогласных. Откровенно говоря, в последние годы я все меньше рассчитываю на поддержку единомышленников среди ученых-обществоведов, но есть надежда на благоразумие политического класса. При всех разномыслиях и долгих дебатах – от Ломоносова и Миллера, Каткова и Струве до Ильина и Путина – в стране была плеяда политиков и мыслителей, которые являлись именно *российскими*, а не *русскими* националистами. При всех разных смыслах и поисках наиболее адекватных для них слов, главное, чтобы признавалась Россия и ее народ как легитимная историческая целостность. Даже если в России народ – “многонациональный”, то государство – национальное.

- ¹ См., например: *Салмин А.М.* Современная демократия: Очерки становления. М., 1997. С. 366–367.
- ² *Тишков В.А.* Забыть о нации. Постнационалистическое понимание национализма // Вопросы философии. 1999. № 1.
- ³ Об этом см.: *Тишков В.А.* О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1.
- ⁴ См.: *Севастьянов А.Н.* Время быть русским. М., 2004. К сожалению, сходный тезис повторяет известный российский ученый Л.И. Абалкин, который в свое время сделал доклад на заседании Президиума РАН на тему о поиске национальной идеи в России. См.: *Абалкин Л.И.* Россия: поиск самоопределения. М., 2005.
- ⁵ *Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge, 1985.
- ⁶ *Каннелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1996 (немецкое издание 1993 г.).
- ⁷ *Миронов Б.Н.* Социальная история России (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2000.
- ⁸ На эту тему см.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999. Данное коллективное исследование российских историков интересно также и тем, что для его авторов понятие “национальная история” объединяет в себе варианты этнонационалистических версий истории, как этнорегиональных (татарской или башкирской), так и постсоветских государственных историй (украинской, таджикской или узбекской), но исключает версии истории России, СССР и Российской Федерации как “национальных историй”, ибо эти образования авторы не относят к национальным государствам.
- ⁹ О нем см.: *Болховитинов Н.Н.* Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.
- ¹⁰ *Фон Хаген М.* История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 24.
- ¹¹ Критику объяснительной модели “распавшейся империи” см.: *Тишков В.А.* Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2005. С. 588–600.
- ¹² *Фон Хаген М.* Указ. соч. С. 25.

- ¹³ Там же. С. 25–26.
- ¹⁴ *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. С. 248.
- ¹⁵ *Armstrong J.* Nations Before Nationalism. Chapel Hill, 1982.
- ¹⁶ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 21.
- ¹⁷ Там же. С. 27–29.
- ¹⁸ Там же. С. 546–549.
- ¹⁹ *Головнев А.В.* Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории: Доклады международной научной конференции. Екатеринбург; Москва, 2004. С. 485.
- ²⁰ *Greenfeld L.* Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge, MA, 1992.
- ²¹ *Ibid.* P. 196.
- ²² *Ibid.* P. 197.
- ²³ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 22–23.
- ²⁴ Там же. С. 26–27.
- ²⁵ Там же. С. 31–33.
- ²⁶ Там же. С. 34.
- ²⁷ Там же. С. 42.
- ²⁸ Там же. С. 55–56.
- ²⁹ Там же. С. 93. Крайне любопытное обстоятельство научного свойства (как по-разному ученые могут осмысливать тот или иной документ эпохи) заключается в том, что в книге Ю.С. Пивоварова, размышления которого идут в этой части параллельно с нашими, в оценке Карамзина содержится намеренная замена категории российскости категорией русскости, которой Карамзин, как мы видели, пользовался больше применительно к обычаям, вере и бородам, а не применительно к народу: «Яркими красками рисуются “идеальный тип” самодержавного правления, образ русского властителя. Строгого и доброго отца, мудрого и осторожного водителя своих детей (народа), крепкого в православной вере и отстаивании заветов старины. Впервые под русским пером рождается **русский** Государь, рождается портрет вечной Русской Власти, Власти-Константы. Лишь следование за ней, лишь сохранение ее, лишь борьба со всем тем, что представляет для нее угрозу, обеспечивает русскому народу социальную безопасность и процветание. Властная Норма создана. Отныне она будет разрабатываться русской мыслью – Уваровым, славянофилами, Кавелиным, Катковым, Леонтьевым, евразийцами, Ильиным и др. Отныне все участники русской политической игры будут соизмерять себя, свои действия, свои планы и программы с **этой** Нормой» (*Пивоваров Ю.С.* Полная гибель всерьез. М., 2004. С. 79).
- ³⁰ Цит. по: Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 1. С. 159–160.
- ³¹ См.: *Сахаров А.Н.* Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 299–300.
- ³² *Greenfeld L.* *Op. cit.* P. 260.
- ³³ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 522–528.
- ³⁴ Цит. по: *Сталюнас Д.* Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-х годах XIX века // Российская империя в зарубежной историографии. С. 577.
- ³⁵ *Реннер А.* Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии. С. 460–461.
- ³⁶ Одно из новейших исследований о Ф. Листе было выполнено американским политологом украинского происхождения Романом Шпорлюком: *Szporluk R.* Communism and Nationalism: Karl Marx and Friedrich List. Oxford, 1988.
- ³⁷ *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. М., 2005. С. 152–153.
- ³⁸ Там же. С. 97.
- ³⁹ *Граф С.Ю. Вумме.* По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист // *Лист Ф.* Указ. соч. С. 259.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 41.
- ⁴² Там же. С. 47, 62.
- ⁴³ *Weber E.* Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford, 1976.
- ⁴⁴ *Eriksen Th.H.* Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. L., 1993. P. 105.

- 45 Одно из исследований “украинского вопроса” в России конца имперского периода см.: *Миллер А.И.* “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.
- 46 *Викс Т.Р.* “Мы” или “они”? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 // *Российская империя в зарубежной историографии.* С. 604.
- 47 *Реннер А.* *Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich. 1855–1875.* Köln, 2000.
- 48 *Реннер А.* Указ. соч. С. 438–439.
- 49 *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии.* С. 422.
- 50 *Simon G.* *Russlandische Nation – Firtion oder Rettung für Russland ? // Berichte des Bundesinstituts für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien.* 1999. № 11.
- 51 *Реннер А.* Указ. соч. С. 463.
- 52 *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи. С. 397.
- 53 *Suny R.* *The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States.* N.Y., 1998; *Hildermeier M.* *Verhinderte Nationen: Zu einigen Merkmalen und Besonderheiten nationaler Bewegungen in Russland und der Sowjetunion // Archiv für Socialgeschichte.* 1994. Vol. 34. S. 1–17.
- 54 *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
- 55 См., например: Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС / Отв. ред. М.Н. Губогло. М., 1982.
- 56 *Глазьев С.* *Выбор будущего.* М., 2005.
- 57 *Хакимов Р.* *Метаморфозы духа (к вопросу о тюркско-татарской цивилизации).* Казань, 2005. С. 63–64.
- 58 Известия. 2005. 3 нояб. С. 3.
- 59 *Соловей В.* Рождение нации. Исторический смысл нового русского национализма // *Свободная мысль – XXI.* 2005. № 6.
- 60 Независимая газета. 2006. 14 февр.
- 61 *Martin T.* *Empire of Affirmative Actions.* Ithaca, 2002.
- 62 *Григорьев О.* Россия никогда не была национальным государством // *Главная тема.* 2005. Июль–авг. С. 54–57.
- 63 *Абдулатипов Р.Г.* Создание российской нации – проект XXI века // *Российская газета.* 2002. 27 авг.
- 64 *Абдулатипов Р.Г.* *Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях.* М., 2005. С. 126.
- 65 Там же. С. 468–469.
- 66 *Хакимов Р.* Указ. соч. С. 284–293.
- 67 *Kristol I.* *Reflections on Neo-Conservative.* N.Y., 1983; *Idem.* *Neo-Conservatism. Autobiography of an Idea.* N.Y., 1994.
- 68 *Lieven A.* *America Right or Wrong. An Anatomy of American Nationalism.* Oxford, 2004. P. 6.
- 69 *Minogue K.* *Nationalism.* N.Y., 1997.
- 70 *Lieven A.* *Op. cit.* P. 6.
- 71 Там же. P. 7.
- 72 См.: *Sahlins P.* *Boundaries. The Making of France and Spain in the Pyrenees.* Berkeley, 1989.
- 73 См.: *Тишков В.А.* Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия // *Этнокультурные взаимодействия в Евразии / Под ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина, В.А. Тишкова.* М., 2005. Т. 2. С. 318–332.
- 74 Известия. 2004. 24 нояб. С. 1.
- 75 Трибуна. 2006. 9 июня.
- 76 *Соловей В.* Указ. соч. С. 15.
- 77 Там же. С. 8.
- 78 Там же. С. 17.
- 79 Справедливости ради отметим, что социология российскости сегодня все более занимает ведущее место в академических исследованиях. См., например: Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998–2004 гг.): Аналитический доклад. По поручению Представительства Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации совместно с Институтом комплексных социальных исследований РАН. М., 2005.
- 80 *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм ...

⁸¹ Там же. С. 172–173.

⁸² Там же. С. 175.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Цит. по: Там же. С. 189–190.

⁸⁵ *Martin T.* The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 91–105.

⁸⁶ *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 6–7.

⁸⁷ Там же. С. 9.

⁸⁸ Там же. С. 10.